

ДАНИИЛ ХАРМС

Полет в небеса

Собрание
сочинений
в трех
томах

Том 1

Собрание сочинений в трех томах

Даниил Хармс

**Собрание сочинений.
Том 1. Полет в небеса**

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5+6

Хармс Д. И.

Собрание сочинений. Том 1. Полет в небеса / Д. И. Хармс —
«Азбука-Аттикус», 2020 — (Собрание сочинений в трех томах)

ISBN 978-5-389-19331-4

Кто он, загадочный Даниил Хармс, – наивный гений, мастер эпатажа или лукавый мистификатор, тщательно скрывавший свою, как писал Маршак, «классическую основу»? Хармса, как одного из самых неординарных и парадоксальных писателей XX столетия, читают и изучают в России и за рубежом, однако и по сей день его работы остаются в числе самых удивительных загадок русской литературы. Бесспорным остается необыкновенный талант автора, а также его удивительная непохожесть – ничего подобного ни в России, ни за рубежом не было, нет и вряд ли когда-нибудь будет... В первый том настоящего Собрания сочинений Даниила Хармса включены стихотворения, переводы и драматические произведения. Составление, вступительная статья и примечания Валерия Сажина. Тексты публикуются в соответствии с авторской орфографией и пунктуацией. Ранее настоящий том выходил под названием «Авиация превращений».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5+6

ISBN 978-5-389-19331-4

© Хармс Д. И., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

С классической основой...	7
Стихотворения	11
1925	11
1. О том как иван иванович попросил и что из этого вышло	11
2. От бабушки до Esther	13
3. Наброски к поэме «Михаилы»	14
4. Говор	17
5. Землю, говорят, изобрели конюхи	18
6. Кйка и Кбка	21
7. «Тише целуются...»	22
8. Сек	23
1926	25
9. Полька затылки (срыв)	25
10. Выбшка смерть	26
11. Ваньки встаньки <I>	28
12. Ваньки встаньки <II>	29
13. Половинки	34
14. «в репей закутаная лошадь...»	37
15. Конец героя	38
16. Казачья смерть	39
17. «друг за другом шёл народ...»	41
18. Ответ Н. З. и Е. В.	42
19. Случай на железной дороге	42
20. Пророк с Аничкиного моста	43
21. Скупость	45
22. Виктору Владимировичу Хлебникову	46
1927	47
23. стих Петра-Яшкина-Коммуниста	47
24. «лошадка пряником бежит...»	47
25. «двух полководцев разговор...»	48
26. «Глядел в окно могучий воздух...»	48
27. В кружок друзей камерной музыки	49
28. «Берег правый межнародный...»	49
29. Авиация превращений	50
30. Искушение	52
31. Пожар	55
32. А. И. Введенскому	56
33. Каментарий к философии А. И. Введенского	56
34. «Купался грозный Петр Палыч...»	57
35. I Фокусы	57
36. «Гражданка, вы куда пришли?...»	58
37. «тихо падала сосна...»	58
38. «опускаясь на поленья...»	59
39. Н. А. Заболоцкому	59
40. «Кучер styl...»	59
41. Восстание	60

42. «выходит Мария отвесив поклон...»	60
43. В гостях у Заболоцкого	61
44. Ночный обыск	62
45. «Приходите приходите...»	62
46. «Вот у всадника вельможи...»	63
1928	64
47. Прогулка	64
48. «Здравствуй. Ты снова тут...»	66
49. «Ты ночуешь с Даниилом...»	66
50. «Шел мужчина в согнутых штанах...»	66
51. Мама НЯМА аманя	67
52. Падение с моста	67
53. Осса	69
54. Жизнь человека на ветру	70
55. «По вторникам над мостовой...»	73
1929	74
56. Полет в небеса	74
57. «Сидел в корзине зверь...»	75
58. «открыв полночные глаза...»	76
59. «пристала к пуделю рука...»	76
60. «Ку...»	77
61. «грамоту кто хочет?...»	81
62. Овца	82
63. «Тётя крёстная Наташа...»	83
64. «Один старик смотрел на небо...»	83
65. «Откуда я?...»	83
66. Папа и его Наблюдатели	84
67. «Ехал доктор из далёка...»	85
68. «Стул в кандалах...»	86
69. Столкновение дуба с мудрецом	87
70. «Тут нарисована жена...»	90
71. Диалог двух сапожников	90
72. Ванна Архимеда	91
73. «Тюльпанов среди хореев»	92
74. «Все все все деревья пиф...»	95
75. «Свои ручки лелея...»	95
76. «Нева течёт вдоль Академии...»	96
77. I Разрушение	97
78. «Я сидел на одной ноге...»	98
79. «Мы (два тождественных человека): Приход нового года...»	98
1930	100
80. Галине Николаевне Леман-Соколовой	100
81. Жене	100
82. «Соловей скатываясь в ящик: Я пел...»	101
83. «В шкапу стояла мать моя...»	102
84. Стук перед	102
85. «Мы приехали. Шипела...»	102
86. «Всё наступает наконец...»	103

87. «Жил мельник...»	103
88. «чтобы в пулю не смеяться...»	104
89. «Нет ответа. Камень скок...»	105
90. «Нука выбеги Маруся...»	105
91. Злое собрание НЕверных	106
92. Утро (пробуждение элементов)	106
93. Падение вод	107
94. Ужин	108
95. «Я в трамвае видел деву...»	109
96. «Вам поверить...»	109
97. «Наступала ночь в битву Сергея Радунского с Миколаем...»	110
98. «Девиды только часть вселенной...»	111
99. «Где я потерял руку?..»	111
100. «Земли, огня и ветра дщери...»	112
101. переферация	113
102. «В небесари ликомин...»	113
103. «Я устал не спать ночей...»	114
104. Нётелерь	115
105. Сон рубашку	116
106. Лапа	116
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Даниил Хармс

Собрание сочинений. Том 1. Полет в небеса

С классической основой...

Вспоминая о Д. Хармсе, которого привлек к работе для детских журналов, С. Маршак говорил о нем как человеке «с абсолютным вкусом и слухом и с какой-то – может быть, подсознательной – классической основой»¹. Можно по-разному интерпретировать понятие «классической основы» у Хармса, но несомненные данные об освоении им предшествовавшей словесности говорят, по крайней мере, о литературной школе высочайшего уровня. Даже самые ранние записные книжки писателя (1925–1926) полны библиографических записей о книгах Пушкина, Достоевского, Лескова, Чехова. В большом списке стихотворений, которые Хармс в эту пору знал наизусть, – имена Блока, Гумилева, Сологуба, Ахматовой, Маяковского, Есенина². Это было, несомненно, освоение и усвоение самых разнообразных творческих явлений, которые не могли в дальнейшем не трансформироваться в собственном творчестве Хармса.

Сложность отыскания у Хармса следов этого усвоения связана с основополагающей его установкой на тотальную инверсию и решительный уход от любых прямых значений. «Ухо на щеке» (II, 2)³ – можно сказать, эмблема всего хармсовского творчества. И всякий раз загадка: откуда это ухо, так сказать, съехало на щеку.

Не стоит, разумеется, и преувеличивать зашифрованности текстов Хармса: в них достаточно прямых цитат и прозрачных реминисценций из произведений Пушкина, Гоголя, Козьмы Пруtkова, Достоевского, Блока и др. При этом наиболее эффективный путь отыскания связей текстов Хармса с предшествовавшей ему «классической» литературой лежит в области ономастики: имена, отчества и фамилии хармсовских персонажей впечатляюще свидетельствуют о прочности таких связей.

Вообще тексты Хармса густо населены персонажами с именами и фамилиями. По нашим подсчетам, Хармс использует более 330 фамилий и более 130 имен. Многие из них повторяются (причем в разнообразных комбинациях).

Статистика наиболее употребляемых имен персонажей (5 и более раз) такова (в порядке убывания): Иван – 45 (в т. ч. 9 Иванов Ивановичей); Петр – 37 (в т. ч. 5 Петров Павловичей); Мария – 29; Николай – 23; Антон (и женский вариант Антонина) – 20; Федор – 16; Владимир – 13; Михаил (в т. ч. 2 Михеля) – 13; Андрей – 10; Анна – 9; Елизавета – 9; Наталья – 8 (в т. ч. 2 Натальи Ивановны); Сергей – 7; Александр (и женский вариант Александра) – 7; Ольга – 6; Пантелей – 6; Алексей – 5; Нина – 5; Марина – 5.

Наиболее употребляемые фамилии персонажей (3 и более раз): Петров – 12; Петраков (в т. ч. Петраков-Горбунов) – 8; Бобров (в т. ч. 3 Антона) – 6; Козлов – 6; Окнов – 5; Пирогов (и женский вариант Пирогова) – 5; Палкин – 4; Комаров – 4 (в т. ч. Камаров); Пузырёв – 4; Пятаков – 4; Колпаков – 3 (в т. ч. Колпакоп); Липавский – 3; Макаров – 3; Никандр (и вариант Никанор) – 3; Семёнов – 3.

Частота воспроизведения одних и тех же имен и фамилий порой инициирована у Хармса ближайшим окружением – родственниками и друзьями. Среди них, конечно, надо отметить его постоянных друзей и единомышленников Л. Липавского (1904–1941) и Александра Вве-

¹ Маршак С. Я. Собр. соч.: В 8 т. М., 1972. Т. 8. С. 509.

² См.: Хармс Д. Полн. собр. соч.: <В 5 т. 6 кн.>. СПб., 1997–2002. <Т. 5>. Кн. 1. С. 35.

³ Здесь и далее – отсылки к томам настоящего собрания (римскими цифрами) и соответствующим номерам текстов (арабскими).

денского (1904–1941); Марину Малич, вторую жену писателя (1912–2002); теток: Марию Ивановну (1882–1943) и Наталью Ивановну Колюбакиных (1868–1945) и сестру Елизавету (1909–1994); псевдоним Николай Макаров был у Н. М. Олейникова (1898–1937).

Вместе с тем множество данных свидетельствует о литературном происхождении имен и фамилий и способах их сочетания и функционирования в произведениях Хармса.

Нельзя не заметить у него многочисленных парных персонажей: Козлов – Окнов, Петров – Камаров, Машкин – Кошкин, Пакин – Ракукин, Пузырёв – Бобырёв, мистер Пик – мистер Пак, наконец – Фадеев – Калдеев – Пепермалдеев. Это совершенное подобие явления, не раз уже отмеченного в литературе о поэтике Гоголя. У него находим: дядя Митяй – дядя Миняй, Фома Большой – Фома Меньшой, Карп – Поликарп, Перхуновский – Бербендовский, Добчинский – Бобчинский и др. Эти так называемые «двойчатки» у Гоголя являются и в сочетаниях имени и отчества: Антон Антонович, Акакий Акакиевич... У Хармса это явление приобретает гомерические размеры: Адам Адамыч (I, 347), Алексей Алексеевич (II, 193<11>) и даже Алексей Алексеевич Алексеев (II, 114, 161), Андрей Андреевич (II, 156, 193<16>), Антон Антонович (I, 348; II, 15, 91, 138), Федор Федорович (II, 63), Семен Семенович (II, 133, 193<6>), Николай Николаевич (II, 141). Особый разговор об Иванах Ивановичах. Выше отмечено, что имя Иван в текстах Хармса и относительно и абсолютно занимает первое место. Это сопрягается с высокой частотой появления Иванов у Гоголя. Степень населенности Иванами произведений Гоголя можно представить даже только по одним «Игрокам», где слуга Гаврюшка перечисляет дворню своего хозяина: «Игнатий буфетчик, Павлушка, который прежде с барином ездил, Герасим лакей, Иван – тоже опять лакей, Иван псарь, Иван опять музыкант, потом повар Григорий...»⁴ При этом число совпадений в сочетании этого имени с соответствующими отчествами у Хармса и Гоголя настолько велико, что не может быть случайным: Иван Яковлевич, цирюльник в «Носе» Гоголя, который «проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба» (III, 44), – и три Ивана Яковлевича у Хармса (II, 68, 125, 135); Иван Антонович, заведующий крепостной канцелярией в «Мертвых душах», – Иван Антонович у Хармса (II, 43); Иван Петрович, главный герой в «Утре делового человека», – Иван Петрович Лундапундов (II, 14); Иван Андреевич, почтмейстер в «Мертвых душах», – Иван Андреевич Редькин у Хармса (II, 142); Иван Григорьевич, председатель палаты в «Мертвых душах», с которым, по словам Чичикова, он очень приятно провел время, – Иван Григорьевич Кантов (II, 7); Иван Федорович (Шпонька) – Иван Федорович в рассказе без заглавия у Хармса (II, 27). Особое место, как сказано выше, занимают и у Хармса и у Гоголя Иваны Ивановичи. У Гоголя это: хозяин квартиры, которую в пору своей бедности нанимал художник Чартков («Портрет»); крестный отец Акакия Акакиевича («Шинель»); один из гостей помещика Сторченка, к которому приезжает Иван Федорович Шпонька; его высокопревосходительство («Утро делового человека»); наконец, один из главных персонажей «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». У Хармса, как отмечено выше, это персонажи девяти текстов (I, 1, 343, 344; II, 114, 140, 193<26>; III, 1 и др.), причем Иван Иванович Никифоров – это явная контаминация гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Что же касается других «двойчаток» у Хармса в соотношении с гоголевскими, то можно сопоставить его Антонов Антоновичей (см. выше) с Антоном Антоновичем Сквозник-Дмухановским («Ревизор»); Федора Федоровича Колпакова (см. выше) с двумя Федорами Федоровичами у Гоголя (барин в сцене «Лакейская» и начальник отделения Леницын во 2-м томе «Мертвых душ»).

С гоголевским влиянием, вероятно, следует связать и несколько достаточно экзотических для хармсовского времени имен персонажей. Имя кучера и слуги Селифана из «Мертвых

⁴ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 4. С. 161. Далее ссылки на это издание с указанием римскими цифрами тома и арабскими – страниц.

душ» трижды встречается у Хармса (II, 158, 192.12, 27; в последнем случае это более правильное воспроизведение старообрядческого по своему происхождению имени Селиван); отставной офицер Никанор Анучкин из «Женитьбы» встретится у Хармса (I, 138, 152; II, 39; сюда причисляем и вариант этого имени Никандр); Андрон из «Мертвых душ» (V, 198) появится в виде Андрония у Хармса (I, 143).

Наконец, должны быть отмечены «гоголевские» фамилии в произведениях Хармса: Пирогов, поручик, неудачно ухаживающий за хорошенькой блондинкой («Невский проспект»), трижды встречается у Хармса (I, 343; II, 43 и черновой набросок); помещик Бобров, о котором вспоминает Коробочка в «Мертвых душах» (V, 47), трансформируется у Хармса в шестерых Бобровых (среди которых и отмеченная выше «гоголевская» «двойчатка» Антон Антонович); Бобов, о котором говорится в «Записках сумасшедшего» (III, 184), появится в качестве главного персонажа в неозаглавленном рассказе Хармса (II, 135)⁵.

Обследование под углом зрения ономастики совпадений в текстах Хармса с произведениями другого его любимого писателя – Достоевского, безусловно, должно учитывать также то, давно уже ставшее аксиомой, положение, что сам Достоевский находился под значительным влиянием гоголевской поэтики и ее пародированием преодолевал это влияние. Поэтому, разумеется, у Достоевского встречаем всё те же «гоголевские» «двойчатки» в наименованиях персонажей и прочие, отмеченные выше свойства, в проявлении которых у Хармса невозможно отделить влияние Гоголя от Достоевского. Скажем, вышесопоставленные у Хармса и Гоголя Антоны Антоновичи присутствуют и у Достоевского в «Записках из подполья» и «Записках из Мертвого дома»; Федоры – в «Бедных людях» и «Записках из Мертвого дома»; Иваны Ивановичи – в «Селе Степанчиково...» и «Записках из Мертвого дома»; Иваны Петровичи – в «Униженных и оскорбленных» и «Романе в девяти письмах»; Иваны Андреевичи – в «Чужая жена и муж под кроватью» и «Романе в девяти письмах».

Наряду с этим в наименованиях персонажей у Хармса и Достоевского находим и оригинальные совпадения: Семен Семеныч у Достоевского («Крокодил», «Преступление и наказание») встретится также в двух текстах Хармса (см. выше); Иван Матвеевич («Крокодил» и «Записки из Мертвого дома») имеется и у Хармса (I, 35); Елену Ивановну («Крокодил» и «Преступление и наказание») обнаруживаем у Хармса (II, 4); Фома («Село Степанчиково...» и «Господин Прохарчин») – одно из любимых хармсовских имен (II, 19, 29, 42); по два раза появляется имя Тимофей у Достоевского («Бедные люди» и «Крокодил») и Хармса (II, 193<29>); отмеченной высокой частоте имени Петр у Хармса корреспондируют Петры у Достоевского («Бедные люди», «Двойник», «Роман в девяти письмах», «Как опасно предаваться честолюбивым снам», «Преступление и наказание»); кухарка Пелагея, являющаяся во сне в «Как опасно предаваться...» Достоевского, встретится и у Хармса (II, 1; едва ли не в той же функции); многочисленные хармсовские Елизаветы (см. выше) находятся и у Достоевского («Чужая жена и муж под кроватью», «Записки из подполья», «Преступление и наказание»); Глафиру из «Чужая жена и муж под кроватью» Достоевского найдем у Хармса (I, 159); многочисленные хармсовские Андреи (см. выше) у Достоевского присутствуют в трех произведениях («Двойник», «Господин Прохарчин» и «Преступление и наказание»). Обращает на себя внимание то, что из «Крокодила» Достоевского у Хармса встречаются имена всех действующих лиц (за исключением немца). Укажем также на многочисленные совпадения в фамилиях персонажей Достоевского и Хармса: Тюльпанов из Достоевского («Село Степанчиково...») появится в двух текстах Хармса (I, 73, 108; в первом случае – прямая аллюзия на произведение Достоевского); Пузырёв («Чужая жена и муж под кроватью») – в трех прозаических текстах Хармса (II, 107 (вариант), 114; III, 70); многочисленным Петровым у Хармса (см. выше) найдется однофамилец и

⁵ О гоголевских мотивах у Хармса см.: Jaccard J.-Ph. Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. Bern... 1991 (в перев. на русский яз.: СПб., 1995) – по указателю; Сажин В. Тысяча мелочей // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 96–98.

у Достоевского («Записки из Мертвого дома»); в том же произведении Достоевского имеется Орлов, которого также встретим у Хармса (II, 193<2>); там же – Михайлов, который дважды встречается у Хармса (II, 148, 193<2>); Марков из «Бедных людей» обнаруживается у Хармса (II, 193<24>); в том же произведении Достоевского имеется Ермолаев, которого найдем и у Хармса (II, 126); Блинову из Достоевского («Как опасно предаваться честолюбивым снам») отыскиваются однофамильцы в двух произведениях Хармса (II, 126 и примечание); наконец, в «Записках из Мертвого дома» встретим еще две фамилии, Антонов и Гвоздикив, которые есть и у Хармса (соответственно II, 68; III, 87); бросается в глаза, наряду с «Крокодилом», большое число совпадений фамилий персонажей «Записок из Мертвого дома» с произведениями Хармса.

За пределами представленных ономастических параллелей располагается обширное поле исследования того, как мотивы и сюжеты Достоевского интенсивно трансформируются у Хармса⁶. Оснований для такого исследования множество. Достаточно, например, отметить такую «хармсовскую» сцену в «Неточке Незвановой» Достоевского: «...я упала на улице и пролила всю чашку. Первая моя мысль была о том, как рассердится матушка. Между тем я чувствовала ужасную боль в левой руке и не могла встать. Кругом меня остановились прохожие; какая-то старушка начала меня поднимать, а какой-то мальчик, пробежавший мимо, ударил меня сапогом в голову» (*Достоевский Ф.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1972. Т. 2. С. 161). Можно обратить, например, внимание на параллель такой впечатляющей детали «Старухи» Хармса, как неведомо куда отлетевшая челюсть мертвой старухи, со сном Степана Петровича Верховенского в «Бесах» Достоевского, в котором ему является раскрытая челюсть: М. С. Альтманом эта деталь у Достоевского интерпретируется как крайняя степень опасности, по народному поверью предвещающая близость смерти⁷.

Достойны параллельного сопоставления сны у Достоевского и Хармса; эротические коннотации мотива насекомых у обоих писателей⁸; соотношение у них частоты употребления слова «вдруг»⁹ и еще целый ряд важнейших для обоих писателей мотивов и свойств их поэтики.

Таким образом, ассоциирующееся с Хармсом понятие «авангардного писателя», которое предполагает обновление языка, поэтики, самого взгляда на мир, не только не отменяет фундаментальной классической основы его творчества, но она уже обнаруживается и еще должна быть выявлена в таком масштабе, что самое понятие «авангарда» применительно к творчеству Хармса потребует существенных корректировок.

Валерий Сажин

⁶ Можно назвать лишь несколько работ, в разной степени предваряющих масштабное исследование этой темы: *Jovanovic M.* Случай Раскольников и его отголоски в русской советской прозе: (пародийный аспект) // *Zbornik za slavistiku*. 1981. № 21. Р. 46–48; *Cassedy S.* Daniil Kharms's parody of Dostoevskii: anti-tragedy as political comment // *Canadian – American studies*. 1984. № 18. Р. 268–284.

⁷ *Альтман М. С.* Пестрые заметки // *Достоевский: Материалы и исследования*. З. Л., 1978. С. 189.

⁸ У Достоевского этот аспект рассмотрен: *Бэлиен Р. Л.* Структура «Братьев Карамазовых». СПб., 1997.

⁹ Применительно к Достоевскому см.: *Топоров В. Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления: («Преступление и наказание») // *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. Paris, 1973. Р. 225–302.

Стихотворения

1925

1. О том как иван иванович попросил и что из этого вышло

Посвящается Тылли и восклицательному знаку

иван иваныч расскажи
кйку с кбкой расскажи
на заборе расскажи

ты расскажешь паровоз
почему же паровоз?
мы не хотим паровоз.

лучше шпилька, беренда́
с хи ка ку гой беренда
завертёла беренда

как то жил один столяр
только жилистый столяр
мазал клейстером столяр

делал стулья и столы
делал молотом столы
из орёшника столы

было звать его иван
и отца его иван
так и звать его иван

у него была жена
не мамаша, а жена
НЕ МАМАША А ЖЕНА

как её зовут теперь
я не помню теперь
позабыл те – перь

иван иваныч говорит
очень умно говорит
поцелуй^{10*} говорит.

¹⁰ В оригинале стоит непреличное слово. (Примеч. автора.)

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я с тобою не хочу
делать это не хочу
потому что не хочу.

иван иваныч взял платок
развернул себе платок
и опять сложил платок

ты не хочешь, говорит
ну так что же, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я совсем не для тебя
не желаю знать тебя
и плевать хочу в тебя.

иван иваныч поглупел
между прочим поглупел
у усикирку поглупел

а жена ему сюда
развернулась да сюда
да потом ещё сюда

в ухо двинула потом
зубы выбила потом
и ударила потом!

иван иванович запнулся
так немножечко запнулся
за п... п... п... п... п... пнулся

ты не хочешь, говорит
ну так чтоже, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

и уехал он уехал
на извознике уехал
и на поезде уехал

а жена осталась тут
и я тоже был тут
оба были мы тут.

Даниил Заточник (Хармс)
1925 ноябрь

2. От бабушки до Esther

баба́ля мальчик
трéстень гúбка
рукой саратовской в мыло уйду
сыры́м седéньем
щё́ниша ва́льги
кудрявый носик
платком обут —
капот в балах
скольжу трамваем
Владимирскую поперёк
посельницам
сыру́нду сваи
грубить татарину
в окно.
мы улицу
валу́нно ла́чим
и валенками набекрень
и жёлтая рука иначе
купается меж деревень.
шлён и студень
фарсится шляпой
лишь горсточка
лишь только три
лишь настеж балериной снята
и ту́кается у ветрин.
холодное бродяга брюхо
вздывается на костыли
резиновая старуха
а может быть павлин
а может быть
вот в этом доме
баба́ля очередóм
канды́жится семью попами
соломенное ведро.
купальница

поёт карманы
из улицы
в прыщи дворов
надушенная
сёлю рябчика
распахивается
под перо —
и кажется
она Владимирская
садится у печеря
серёжками —
— как будто за город
а сумочкою —
— на меня шурованная
так и катится
за бабаля калеты
репейником
простое платьеце
и ленточкою головы —
ПУСТЬ
— балабошит бабушка
БЕЛЬгию и блены
пусть озирает дохлая
ростанную полынь
сердится кошечкой
около кота
вырвится вырвится
вырвится в лад
шубкою оконью
ляженьем в бунь
маханьким персиком
вихрь табань
альдера шишечка
миндера буль
улька и фанька
и ситец и я.

ВСЁ

<1925>

3. Наброски к поэме «Михаилы»

I Михаил

крючником в окошко
скандит скандит

рубль тоже
ма́ху кинь
улитала кенорем
за папаху серую
улитали пальцами
ка́ – за́ – ки́
лезет у́тером
всякая утка
шамать при́сну
бла́ – гослови
о – ко – я́нные
через пояс
по́яс у́ткан
по́яс у́бран
до зарёзу
до Софии.
ду́ет ка́пень
Симферополя
ши́ре бо́рова русси́
из за мо́ря
ва́ром на́ поле
ва́жно фылят
па́ – ру́ – са́.
и текло́
текло́
текляно
по немазанным усам
разве мало
или водка
то посея – то пошла
а́ се го́ дня на́ до́ во́т ка́к
до́ по́с ле́д ня́ го́ ко́в ша́

II Михаил

Ста́нем би́ться
по гуляне
пред ико́ною ами́нь
руковицей на колéни
заболе́ли мужики.
вытерали боро́дою
блю́дца
было боя́зно поро́ю
огляну́ться
над ерёмой становился
камень
я́фер

он кабылку сюртука́ми
забо́яферт —
— и куда твою деревню
покатило по гурта́м
за ело́вые дере́вья
задевая тут и там.
Я держу тебя и холю
не зарежешь так прикинь
чтобы правила косою
возле моста и реки
а когда мостами речка
заколо́дила тупы́ш
иесусовый предте́ча
окунается тудыж.
ты мужик — тебе пахаба
только плюнуть на него
и с ухаба на ухабы
от иконы в хоровод
под плясу́лю ты оборван
ты ерёма и святы́й
заломил в четыре горла
— дребеждящую бутылъ —
— разве мало!
разве водка!
то посея — то пошла!
а сегодня надо вóт как!
до последнего ковши.

III Михаил

па́жен хо́лка
мамина була́вка
че́ — рез го́ — ловы
после завтра
если на вера́н — ду
о́зера ману́ли
ви́дел ра́но
ста́ — ни́ — сла́в
ву́лды а́лые
о́ — па́ — саясь
за дра́ жа́ли
на́ ки́ та́й
се́рый выган
пе́ ту́ ха́ ми
станислаиву
ша́р ку́ ну́
бин то ва́ла

ты́ моя карбошлка
ты мой па́рус
ко ра лёк
залетуи́ля
за ру ба́шку
ма ка ро́ны
бо́ си́ ко́м
зуб аку́лий
не пока́жет
не пока́жет
и сте – кло́
ляда па́хнет пержимо́лью
альмана́хами нога́
чтобы пе́ли в комсамо́ле
парашу́ты и ноган
чтобы лы́ко станицла́ву
возноси́ло балабу́
за московскую заста́ву —
пар ра шу́ ты
и но га́н
из пеще́ры
в го́ру
камень
буд – то
в титю́
мо ло ко
тя́нет го́лы – ми рука́ми
по́сле за́вта
на́ – ба́л – ко́н
у́ ко – го́
те́ перь не вста́нет
возле пу́па
го́ – ло́ – ва́
ра́зве ма́ – ло
или во́д – ка
то посе́я
то пошла́
а́ се го́д ня́ на до́ во́т ка́к
до́ пос лед ня́ го́ ко́в ша́.

ВСЁ

<1925>

4. Говор

Откормленные лы́лы
вздохну́ли и сказа́ли

и только из под банки
и только и тютю
катитесь под фуфёлу
фафалу не пермажте
и даже отваляла
из мякиша какá —
— косы́нка моя у́лька
пода́рок или сй́тец
зелёная салóнка
чаничка купры́ш
сегодня из под а́нды
фуфы́ляются рука́ми
откормленные лы́лы
и только
и тютю.

ВСЁ

<1925>

5. Землю, говорят, изобрели конюхи

Посвящаю тем, кто живет на Конюшенной.

вступ

вертонú финикию
зерном шелдонú
бисирéла у закáта
криволи́ким типунóм

полумёна зырыня́
калитúшу шельдонú.

начало

приоткрыла портсигары
от шумовок заслоня
и валяша как репейник
с'ел малиновый пирог
чуть услыша между кресел
перочёнье рандáша
разгогулину повесил
варинцами на ушах
Ира маленькая кукла
хочет кáкать за моря
под рубашку возле пупа
и у снега фанаря
а голубушка и пряник

тянет крышу на шушу
живота островитяне
финикийские пишу

Зелено́ твоё ры́ло
и труба́
и корыто зипунами
барабан
полетели панталоны
бахромой
чудотворная икона
и духи
голубятина не – надо
überall
подарила выключатель
и узду

а ку́ха́ми ниже́т а́лы – е
торапи́ покое был
..... даже пальму строить надо
для руины кабалы
на цыганах уводи́ла
али жмы́хи полови́
за коню́шни и уди́ла
фароона́ми зовя́
финики́я на гото́ве
перехо́ды полага́жу
магоме́та из коню́шни
чепра́ками выво́жу
валоа́мова осли́ца
пароди́ла оку́нят
везе́лбна́ми больни́ца
ше́раму́ра оки́ня
и ко́вшами гы́чут ла́до
зе́млю па́харя бы́лин
..... даже пальму строить на́до
для руины кабалы

Сы́на Авроа́мова
о́ндрия гу́нты
по́том заше́ло́мила
бухну́ла гурты́
ма́монта забу́ля
ле́да кара́бин
о́тарью капи́лища
о́трок на ру́сси
буса́ми ма́ла́нится
пени́стая мовь
шле́пая в предба́ннице

лысто о порог

нЫне португалия
тОже сапоги
рыжими калёсами
тоже сапоги
уранила вырицу
тоже сапоги
калала девочка
тОже говорит

а лен – ты
дан – ты
бур забор
лови
хоро – ший
пé – рехóд
твоя колода
пе – региб
а пá – рахода
сá – поги

надо ќкать лукомóрье
для конюшенной езды
из за острова Амóнья
винограда и узды
и рукой её вертели
и руина кабала
и заказаны метéли
золотые купола

и чего-то разбеля́нет
кацавейкою вдали
а на небе кораблями
пробегали корабли

надо ќкать чернозёмом
а на́киавшись втрубу
кумачёвую алёну
и ру́ину кабалу

не смотри на печенéгу
не увидешь кочерги...

..... а в залётах други́ми спáржами
телегра́ммою на версты́
алекса́н – дру так и кажется
кто-то ќкает за кусты́
..... целый день до заката вечера

от парчи до палёвок князовых
встанут челяди изувечено
тьмами синими полуазии
..... александра лозят арабы
целый остров ему бовёкой
александр лозит каравль
минотавра и человека
..... и апостола зыда маслом
через шею опракинул
в море остров в море Патмос
в море шапка финикии.

ВСЁ

<1925>

6. Кика и Кика

I

Под логоть
Под коку
фуфу

и не крякай
не могут
фанфары
ла-апошить
дебасить

дрынь в ухо виляет
шаплё ментершула
кагык буд-то лошадь
кагык уходырь
и свящ жвикавийет
и воет собака
и гонятся листья
сюды и туды

А с неба о хрящи
все чаще и чаще
взвильнёт ви ва вувой
и мрётся в углынь

С пинёжек зирели
потянутся кокой
под логоть не фукай!

под ко́ку не плюй!

а если чихнётся
губа́стым саплю́ном
то Кíка и Кóка
такой же язык.

II

Черуки́к дощёным ша́гом
осклаб́ясь в улы́бку кíку
 распу́шить по ветрову́лу!
 разбежа́ться на траву
 обсусале́нная фíга
 буд-то кíка
 на парóм
буд-то па́па пилигри́мом
на каме́ту у́скакал
а́у деа́у дербады́ра
а́у деа́у дерраба́ра
а́у деа́у хахети́ти
 Мо́нна Ва́нна
 хочет пи́ть.

III

шлѐп шляп
шлѐп шляп
шлѐп шляп
шлѐп шляп.

ВСЁ

<1925>

7. «Тише целуются...»

Тише целуются
— комната пуста —
ломками изгибами —
— полные уста: —
ноги были белые:
по снегу устал.

Разве сандалии
ходят по песку?
Разве православные
церкви расплесну?
Или только кошечки
Писают под стул?

Тянутся маёвками
красные гробá
ситцевые девушки —
по́ небу губа;
кружится и пляшется
будто бы на бал.

Грудь как головы
тело — молоко
глазом мерцальная
солнцем высоко...
Бог святая троица
в небо уколол.

Стуки и шорохи
кровью запиши;

там где просторнее
ку́киши кушй:
Вот по этой лесенке
девушкой спешил.

Ты ли целуешься?
— комната пуста —
Так ли сломáлися
— полные уста?
:Ноги были белые:
по снегу устал.

ВСЁ

<1925>

8. Сек

gew. (Esther)

И говорит Мишенька
рот открыв даже
— шйишиля кйишиля
Я в штаны ряжен. —

Н ты эт его
финьть фаньть фуньть
б м пильнео
фуньть фаньть финьть

Иа Иа Ыа
Н Н Н
Я полы мыла
Н Н Н

дриб жриб бобу
джинь джень баба
хлесь хлясь – здóрово —
раздай мама!
Вот тебе шйшелю!
финьть фаньть фуньть
накося кишелю!
фуньть фаньть финьть.

ВСЁ

<1925>

1926

9. Польша затылки (срыв)

писано 1 января 1926 года

метит балагур татарин
в поддёвку короля лукошке
а палец безымянный
на стекле оттаял
и торчит гербом в окошко
ты торчи себе торчи
выше царской колончи

распахнулся ёрлик бубой
сели мы на бочку
рейн вина
океан пошёл на убыль
в небе кичку не видать

в пристань бухту
серую подушку
тристо молодок
и сорок семь
поют китайца жёлтую душу
в зеркало смотрят
и плачат все.

вышел витязь
кашей гурьевой
гужил зймку
рыл долота
накути Ерёма
вздуй его
вздулась шишка
в лоб золотая

блин колокольный в ноги. бухал
переколотил на четвёртый раз
суку ловил мышиним ухом
щурил в пень
солодовый глаз.

приду приду
в Маргоритку
хлопая заторами

каянский пру
пала́шами
ка́лику едрит твою
около бамбука
пальцем тпр

соро шаровары позавут татарина
книксен кукла
полька тур
мне ли петухами
кика пу́ подарена
чи́рики боя́рики
и пальцем тпр

зырь мани́шка
пу́говицей пли́совой
грудку корявую
ах! обнима́й
а в шкапу то
ни чорта лы́сого
хоть бы по́лки
и тех нема.

шея заболела на корону у́была
в жаркую печку затылок утёк
не осуди шерстяная публика
громкую кичку¹¹
Хармса – дитё.
Хармса – дитё.

ВСЁ

Даниил Хармс
1926, 1 янв.

10. Вью́шка смерть

Сергею Есеницу

ах вы се́ни мои се́ни
я ли гу́сями вяжу́
при́ходил ко мне Есе́нин
и четы́ре мужика́

и с чего́-бы это ра́доваться
ло́жкой сту́чать

¹¹ именно кичка а не кличка. (Примеч. автора.)

пошивеливая пáльцами
гру́сть да печа́ль

как ходи́ли мы ходи́ли
от порóга в Кишинёв
проплева́ли три неде́ли
потеря́ли кошелёк

ты Серге́жа рукомóйник
сары́нь и дуда́
разохотился по мóйму
совсе́м не туда́

для тебя́ ли из кореже́ны
ору́жье шты́к
не тако́й ты Серге́жа
не тако́й уж ты́

по́й – ма́й
щёки ду́ли
скарлотину́ перламúтр
из за во́рота подúли
Váter Unser – Líeber Gótt

я пляса́ла сокола́ми
возле де́рева кругóм
ноги то́пали пляса́ли
возле де́рева кругóм

размога́й меня заты́ка
на кало́ше и ведре́
походи́-ка на заты́лке
мимо за́пертых дверей

гу́ли пели́ ха́лваду́
чири́кали до́ ночí
на засеке до́лго ду́мал
кто поёт и брови чинит

не по́ полу пёрвая
залудила́ пёрьями
сперва́ чем то ду́дочным
вро́де как уха́бица́

полива́ла сы́пала
не ве́рила лебе́дями́
зашу́хала кры́льями
зуба́ми затóпала

с э́тако́го по ма́тери
с э́тако́го ку́барем
в обни́мку целу́ется
в о́чи ва́лит бли́ньями

а лета́ми плю́й его́
до бе́лой доски́ и сядь
добреду́ до Клу́бева́
обра́тно заки́нуся́

проты́нкой за ро́дину
за ма́тушку ле́вую
у де́рева то́ненька
за Ду́нькину пу́говку́

пожури́ла де́вица
неве́ста сику́рай
а Се́ржа де́ревце́м
на груди́ не кла́няется

на груди́ не кла́няется
не бу́кой не вече́ром
посыпа́ет о́коло
сперва́ чем то ду́дочны́м

*14 января 1926
Даниил Хармс
Школа чинарей Взира́ зѣцми*

11. Ваньки встаньки <I>

волчи́ца шла доро́гаю
доро́гаю мана́шенькой
и каму́шек не трогала
серебря́нной ко́сой
на шею дере́вянную
сади́лись челове́чики
мани́стами накра́шенными
где-то высо́ко.

никто́ бы и не кланя́лся
проду́манно и холо́дно
никто́ бы не заки́дывал
на речку́ поплаво́к
я пер́вый у ко́лбди́ца
наше́л её подо́хлую
и вече́ром до ку́зова
её не повало́к

стонала только бабушка
да грядка перестóнывала
заново ерóшила
капустных легушат
отцы мои запенелись
и дети непристойные
пускали на широкую
дорогу камыши

засни засни калачиком
за синей гололедицей
пруда хороший перепел
чугунный домовой
щека твоя плакучая
румянится цыганами
раскидывает порохом
(ленивую) войну

идут рубахи рыжики
покрикивают улицу
веревку колокольную
ладошки синяки
а кукла перед ужином
сырому тесту молится
и долго перекалывает
зубы на косяк

я жду тебя не падаю
смотрю – не высыпаюсь
из маминой коробочки
на ломаный сарай
обреж меня тапори́ком
клади меня в посудину
но больше не получится
дырявая роса —

ВСЁ

Даниил Хармс
4 февр. 1926 г.

12. Ваньки встаньки <II>

ты послушай ка карась
имя палкой перебрось
а потом руби направо
и не спрашивай зараз

то Володю то Серёжу
то верёвку павар
то ли куру молодую
то ли пово́ра вора

Разбери который лучше
может цапаться за тучи
перемыгой серебром
девятнадцатым ребром
разворачивать корыто
у собачий конуры
где пупырыши нерыты
и колеблется Нарым

Там лежали Михаилы
вонючими шкурами
до полуночи хилые
а под утро Шурами

и в прошлую среду
откидывая зановеси
прохожему серому
едва показались

сначала до плечика
румяного шарика
а после до клетчатых
штанишек ошпаривали

мне сказали на́ ушко
что чудо явилось
и царица Матушка
сама удивилась:

ах как же это милые?
как же это можно?
я шла себе мимо
носила дрожи

вошёл барабанщик
аршином в рост
его раненная щека
отвисала просто

он не слышит музыки
и нянин плач
на нём штаны узкие
и каленкоровый плащ

простите пожалуйста
я покривил душой
сердце сжалось
я чужой

— входит барабанщик небольшого роста —

ах как же это можно?
я знал заранее
— взял две ложки —
— ВЫ ИЗРАНЕНЫ. —
— ЗАНОВЕСЬ

собака ногу поднимает
ради си ради си
солдат Евангелие понимает
только в Сирии только в Сирии

но даже в Сирию солдат не хочет
плюет пропойца куда то
и в Сирию бросает кочень
где так умны Солдаты

ему бы пеночки не слизывать
ему бы всё: «руби да бей»
да чтобы сёстры ходили с клизмами
да чтобы было сто рублей

солдат а солдат
сколько тебе лет?
где твоя полатка?
и твой пистолет. —

кнѹчу в прихвостень кобыле
хоть бы куча
хоть бы мох
располуженной посуды
не полю не лужу
и в приподнятом бокале
покажу тебе ужѹ!

Едет мама серафѹмом
на ослице прямо в тыл
покупает сарафаны
и персидскую тафту

— солдат отворачивается и больше не хочет разговаривать —

открылось дверце подкидное

запрятало пятнашку
сказало протопопу Ною:
— позвольте пятку вашу —

я не дам пятку
шнельклопс
дуй в ягоду
шнельклопс

разрешите вам не поверить
я архимандрит
а вы протопоп
а то рассержусь
и от самой Твери
возьму да и проедусь по полу

он рас-стегивает мундир
забикренивает папаху
и садится на ковёр
и свистит в четыре пальца:

пью фюфюлы на фуфу
еду мальчиком а Уфу
щекати меня судак
и под мышку и сюда
ихи блохи не хоши
пуфы бóже на матра́сс.

за бородатым бегут сутуленькие
в клетки пугается коза
а с неба разные свистульки
картошкой сыпятся в глаза

туды сюды
да плеть хвоста
да ты да я

да пой нога
считает пальцами до ста
и слышит голос: «помогай»
обернулся парусом
лезет выше клироса
до месяца не долез
до города не дошёл

обнимались старушки плакали
замочили туфли лаковые
со свечой читали Лермонтова
влюбились в кого го то кавалера там

на груди у него солнышко
а сестра его совушка
волоса его рыжие
королеву прижили
может кушать рябчика
да и то только в тряпочке
у него две шашки длинные
на стене висят...
Господи Помилуй
свят свят свят

— черти испугались молитвы и ушли из Гефсиманского сада, тогда самый святой человек сказал: —

здорово пить утрами молоко
и выходить гулять часа так на четыре
О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирий.

ПОСЛУШАЙТЕ
сегодня например
какой то князь сказал своей любовнице:
— иди и вырый мне могилу на Днепре
и принеси листок смаковницы —

Она пошла уже козалошь в камыши
Но видит (!) князь (!) за ней (!) бежит (!)
кидаёт сумрачный ноган
к её растерзанным ногам
прости-прости я нехороший
раз 2 3 4 5 6 7ю..... (быстро)
а сам тихонько зубы крошит
как будто праведный совсем

О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирий
метаёшь рубашками в загон —
как говориться в притче:
— плен духу твоему язычник
и разуму закованная цепь —

— за кулисами говорят шёпотом, и публика с трепетом ловит бабочку. Несут изображение царя. Кто то фыркает в ладонь и говорит: блинчики. Его выводят —

Выйди глупый человек
и глупая лошадь
на Серёже полаче
и на Володе тоже
стыдно совестно и неприлично

говорить блинчики
а если комната вдобавок девичья
то нужно говорить как-то иначе
— Все удовлетворены и идут к выходу —

ВСЁ

ДаНиил Хармс
1926 г. 11 февр.

13. Половинки

присудили у стогов
месяцем и речкою
и махнула голова
месяца голова
толстою ручкою

позавидовала ей
баба руку ей
позавидовала баба
корамыслами
на дворе моём широком
вышивают конаплёй
дедка валенками шлёпает
и пьёт молоко

позавидовала я
вот такими дулями
и родила меня мать
чехардой придорожною
а крестил меня поп
не поп а малина —

вся то распосадница
бабкина бухта
лавку закапала
вороньим яйцом
больно родимая
грудью заухала
мыльными пузырьками
бабке в лицо

ахнули бусы
бабы фыркали
стукала лопата
в брюхо ему
избы попы

и звёзды русые
речка игрушка
и солнце лимон
 разные церковки
птички, палочки
оконце лааковое
 расшитое

всё побежало
побежало и ахнуло
сам я вдеваю кол в решето
б'ется в лесу фантáн фантóвич
грузди собирает
селени́м пашá
перья точат
 мальчик Митя
 уснул в лесу
холодно в рубашке
кидаться шишками
кожа пупырашками
буд-то гусятная
высохли мочалками
волосы под мышками
хлещет бог
бог – осиновый

а́хнули бусы
бабы а́хнули
радугами стонет
баба Богородица
лик её вышитый
груди глажены
веки мигнут
и опять
закроются
сукровицей кажется потеют и дохнут навозные кучи
скучно в лесу!
в дремучем невесело!
мне то старухи до печёнки скучно
мальчика Митю
 в церковь
 НЕСТЬ
ведьма ты ведьма
кому ты позавидовала?
месяц пúпом сел на живот!
мальчика Митю
чтоб его (!) йдола
сам я вдеваю кол в решето
сам я сижусь

матыгой
ночью
жду перелесья
синего утра
и кто то меня за плечо ворбочает
тянет на улицу
мой рукав

ЗНАЮ
от сюдова
мне не поверят
мне не разбить
ключевой тиши
дедка мороз стучится в двери
месяц раскинул
в небе шалаши.
стены мои звончее пахаря
крепче жимолости в росту
крепли и крепи
и вдруг
заахала
бабы и бусы и шар на мосту
— милый голубку милой посылает —
шлёт куличий
и хлай на столе
а губы плюются
в дым кисиллями
а руки ласкаются
ниже колен

бабка пела
небу новоселье
небо полотенце!
небо уж не то!
бабка поля пшеном засеяла
сам я вдеваю кол в решето
пряжею бабкиной
месяц утонет
уши его
разольются речкою —
— там из окна
соседнего домика
бабка ему
махнула ручкою —

ВСЁ

*Школа
Взирь Зауми
Даниил Хармс
<1926>*

14. «в репей закутаная лошадь...»

в репей закутаная лошадь
как репа из носу валилась
к утру лиш отперли конюшни
так заповедал сам Ефрейтор
Он в чистом галстук
и сквозь решётку
во рту на золоте царапин шесть
едва откинув одеяло ползает
и слышет бабушка
под фонарями свист.
И слышет бабушка ушами мягкими
как кони брызгают слюной
и как давно земля курносая
стоит горбом на трёх китах
Но вдруг Ефрейтора супруга
замрёт в объятиях упругих
Как тихо станет конь презренный
в лицо накрашенной измене
творить акафисты по кругу
и поджидать свою подругу
Но взора глаз не терпит стража

его последние слова
Как он суров и детем страшен
и в жиле бьётся кровь славян
И видит он: его голубка
лежит на грязной мостовой
и зонтик ломаный и юбку
и гребень в волосе простой
Артур любимый верно снится
в бобровой шапке утром ей
И вот уже дрожат ресницы
и ноги ходят по траве.
Я знаю бедная Наташа
концы расщелены глухой
где человек плечами дышет
и дети рождаются хулой
Там быстро щёлкает рубанок
а дни минутами летят
там пни растут. Там спит дитя.

Там бьет лесничий в барабаны.

1–2 мая 1926

15. Конец героя

Живи хвостом сухих корней
за миром брошенных творений
бросая камни в небо в воду-ль
держась пустынником поотдаль
в красе бушующих румян
хлещи отравленным ура
призыва нежный алатырь
и Бога чёрный монастырь
Шумит ребячая проказа
до девки 107-го раза
и латы воина шумят
при пухлом шопоте шулят
Сады плодов и винограда
вокруг широкая ограда
мелькает девушка в окне.
Софокл вдруг подходит к ней
Не мучь передника рукою
и цвет волос своих не мучь
твоя рука жару прогонит
и дядька вынорнит из туч
и вмиг разбившись на матрасе
восстанет молод и прекрасен
и стоком бережных имян
как водолей пронзит меня
Сухое дерево ломалось
она в окне своём пугалась
бросала стражу и дозор
и щёки красила в позор
уж день вертелся в двери эти
шуты плясали в оперете
и ловкий крик блестящих дам
кричал: я честь свою отдам!
Под стук и лепет колотушек
Дитя свечу свою потушит
Потом идёт в леса укропа
В куриный дом и бабий ропот
крутя усы бежит полковник
минутной храбростью кичась
Сударыня я ваш поклонник
Скажите мне который час?
Она же взяв часы тугие
и не взирая на него

не слышет жалобы другие
повелевает выйти вон.
А я под знаменем в бою
плюю в колодец и пою:
Пусть ветер палубу колышет
но ветра стык моряк не слышет
Пусть дева плачет о зиме
и молоко даёт змее
Я окрестясь сухим приветом
стелю кровать себе при этом
бросая в небо дерзкий глас
и проходя четвёртый класс.
из леса выпрогнит метёлка
Умрёт в углу моя светёлка
Восстанет мёртвый на помост
с блином во рту промчится пост
Как жнец над пряхою не дышет
Как пряха нож вздымает выше
Не слышу я и не гляжу
как пёс под знаменем лежу
Но виден мне конец героя
глаза распухшие от крови
могилу с именем попа
и звон копающих лопат.
и виден мне келейник ровный
упряжка скучная и дровни
Ковёр раскинутых саней
лихая кичка: поскорей!
конец не так моя Розалья
пройдя всего лишь жизни треть
его схватили и связали
а дальше я не стал смотреть
и з<a>потев в могучем росте
всегда ликующий такой
никто не скажет и не спросит
и не помянет за упокой.

2 мая 1926

16. Казачья смерть

Бежала лошадь очень быстро
ее хозяин турондул
Но вот уже Елагин остров
им путь собой перегородил.
Возница тут же запыхавшись
снял тулуп и лег в кровать,
четыре ночи спал обнявшись

Его хотели покарать.
Но он вскочил недавно спящий
наскоро запер письменный ящик
и не терпя позора фальши
через минуту ехал дальше
Бежала лошадь очень быстро
Казалось нет ее конца
Вдруг прозвучал пустынный выстрел
поймав телегу и бойца.
Кто стреляет в эту пору?
Спросил потусторонний страж
седок и лошадь мчатся в прорубь
их головы обьяла дрожь,
их туловища были с дыркой.
Мечтал скакун. Хозяин фыркал,
внемля блеяню овцы
держа телегу под уздцы.
Он был уже немного скучный,
так не ожидаю умерев
Пред ним кафтан благополучный
лежал местами прогорев.
Скакали день и ночь гусары
перекликались от тоски.
Карета плавала. Рессоры
ломались поперек доски.
Но вот седок ее убогий
ожил быстро как олень
перескочил на брег пологий
А дальше прыгнуть было лень.
О как < >¹² эта местность
подумал он смолчав
К нему уже со всей окрестности
несли седеющих волчат
Петроний встал под эти сосны
Я лих и нет пощады вам —
звучал его привет не сносный
телега ехала к дровам.
В ту пору выстрелом не тронут
возница голову склонил
Пусть живут себе тритоны
он небеса о том молил.
Его лошадка и тележка
Стучала мимо дачных мест
А легкоперое колешко
высказывало свой протест.
Не ездая бы ты мужик
в этот сумрачный огород

¹² Пропуск в источнике текста. – Сост.

вон колено твоё дрожит
Ты сам дрожишь на оборот
Ты убит в четыре места
Под угрозой топора
Кличет на ветру невеста
Ей тоже умерать пора.
Она завертывается в полотна
и раз два три молчит как пень.

Но тут вошел гусар болотный
и промолчал он был слепень
Потом вскочил на эту лошадь
и уехал на бекрень.
Ему вдогонку пуля выла
он скакал закрыв глаза
все завертелось и уплыло
как муравей и стрекоза.
Бежала лошадь очень быстро
гусар качался на седле.
Там в перемешку дождик прыскал
избушка тухнула в селе
их путь лежал немного криво
уж понедельник не ступил
— мне мешает эта грива
казак нечаянно говорил.

Он был убит и уничтожен
Потом в железный ящик вложен
и как-то утричком весной
был похоронен под сосной
Прощай казак турецкий воин
мы печалимся и воем
нам эту смерть не пережить
Тут под сосной казак лежит.

ВСЁ

19–20 октября 1926

17. «друг за другом шёл народ...»

друг за другом шёл народ
ужимки тая в лице звериные
он шёл все прямо потом наоборот
летели поля необозримые

там где зелёный косогор
река поворачивала круто

был народ как пуля скор
и невинен был как утро
еще пройдя с полсотни вёрст
кто то крикнул: «земля».
кто то сразу вытянул перст
но дальше итти было нельзя.
уж над людьми колыхалась ночь

проплывало миллион годин
уж не шагом они а в скочь
торапились как один
и ещё прошло 20 лет
все умерли как по заказу
<1 ст. нрзб.>
им с двух сторон по глазу

3 ноября <1926>

18. Ответ Н. З. и Е. В.

мы спешим на этот зов
эти стоны этих сов
э<т>их отроков послушных
в шлемах памятных и душных
не сменяем колпака
этой осенью пока
на колпак остроконечный
со звездой поперечной
с пятилучною звездой
с верхоконною ездою.
и два воина глядели
ждите нас в конце недели
чай лишь утренний сольют
мы приедем под салют.

*Д. Х.
15 ноября <1926>*

19. Случай на железной дороге

как-то бабушка махнула
и сейчас же паровоз
детям подал и сказал
пейте кашу и сундук.
утром дети шли назад.
сели дети на забор
и сказали: вороной

поработый я не буду
маша тоже не такая
как хотите может быть
мы залижем и писочек
то что небо выразило.
вылезайте на вогзал
здравствуй здравствуй Грузия

как нам выйти из неё
мимо этого большого
не забора. ах вы дети
выросла палеандра
и влетая на вагоны
перемыла не того
что налива с перепугу
оградил семью волами
вынул деньги из кармана
деньги серые в лице

Ну так вот. а дальше прели
всё супа – сказала тетя
всё чижи – ск<a>зал покойник
даже тело опустилось
и чирикала любезно
но зато немного скучно
и как будто бы назад
дети слушали обедню
надевая на плечо —
мышка бегала в передник
раздирая два плеча
а грузинка на пороге
все твертила. – а грузин
перегнувшись под горою
шарил пальцами в грязи.

<1926>

20. Пророк с Аничкиного моста

Где скакуны поводья рвут
согнув хребты мостами
пророк дерзает вниз ко рву
сойти прохладными устами.
О непокорный! что же ты
глядишь на взмыленную воду?
Теребит буря твой хохол
потом щеку облобызает.
Тебя девический обман

не веселит. Мечты бесскладно
придут порой. Веслом о берег
стукнет всадник.
Уж пуст – челнок.
Уж тучен – гребень.
И, тщетно требуя поймать
в реке сапог, рыдает мать.
Ей девочка приносит завтрак
бутылку молока и сыр.
А в сумке прячет на завтра
его красивые усы.
В трактире кончилась попойка
Заря повисла над мостом.
Фома ненужную копейку
бросает в воду. Ночь прошла.
И девочка снимает платье,
кольцо и головной убор,
свистит как я в четыре пальца
и прыгает через забор.
Ищи! Никто тебе помехой
не встанет на пути своем.
Она ушла, а он уехал
и вновь вернулись вдвоем.
Как загорели щеки их!
Как взгляд послушный вдруг притих!
За ними горница пуста.
И растворились их уста:
– Мы плыли ночью. Было тихо.
Я пела песню, Милый греб.
Но вдруг ныряет тигр плавающий
пред нашей лодкой поперек.
Я огляделась вокруг. Фонтанка
проснувшись знаменье творит.
За полночь звякают стаканы.
Мой брат стучится: отвори!
Всю ночь катались волны мимо.
Купался зверь. Пустела даль.
бежали дети. А за нами
несли корону и медаль.
И вот, где кони рвут поводья,
согнув хребты сбегает вниз,
ноздрями красными поводят
и бьют копытом седока, —
мы голос ласковый слышали.
Земля вертелась в голос тот.
И гром и буря утихали
и платье сохло на ветру
И волчьим шагом оступаясь
на мост восходит горд и лих

пророк. А мы не плыли дальше
на брег скакая женихом.

ВСЁ

1926 года

21. Скупость

Люди спят
урлы-мурлы
над людьми
парят орлы.
Люди спят
и ночь пуста
сторож ходит вокруг куста.
Сторож он
не то что ты,
сон блудливый
как мечты,
сон ленивый как перелёт
руки длинные как переплёт.

Друг за другом люди спят
все укрылися до пят.
Мы давно покоя рыщем.
Дым стоит над их желищем.

Голубь турмань вьёт гнездо,
подъезжал к крыльцу ездок,
пыхот слышался машин,
дева падала в кувшин.
Ноги падали в овраг
леший бегал.
людей враг.
Ночь свистела —
плыл орёл.
Дочь мерцала —
путник брёл.
Люди спали —
я не спал,
деньги я пересыпал.
Я считал своё богатство.
Это было святотатство.
Я всю ночь сторожил!
Я так деньгами дорожил.
всё

1926 года

22. Виктору Владимировичу Хлебникову

Ногу на ногу заложив
Велимир сидит. Он жив.

1926

1927

23. стих Петра-Яшкина-Коммуниста

Мы бежали как сажени
на последнее сражение
наши пики притупились
мы сидели у костра
реки сохли под ногою
мы кричали: мы нагоним!
плечи дурые высоки
морда белая востра

но дорога не платочек
и винтовку не наточишь
мы пускали наши взоры
вёрсты скорые считать
небо падало завесой
опускалось за лесом
камни прыгали в лопату
месяц солнцу не чета́

сколько времени не знаю
мы гнались за возами
только ноги подкосились
вышла пена из уста
наши очи опустели
мох казался нам постелью
но сказали мы нарочно
чтоб никто не отставал

на последнее сражение
мы бежали как сажени
как сажени мы бежали
!пропадай кому не жаль!
ВСЁ

<1926—нач. 1927>

Чинарь

Даниил Иванович Хармс

24. «лошадка пряником бежит...»

лошадка пряником бежит
но в лес дорога не лежит

не повернуться ей как почке
не разорвать коварной бочки

<1926–1927>

25. «двух полководцев разговор...»

двух полководцев разговор
кидался шаром изорта
щека вспухала от натуги
когда другой произносил
не будь кандашки полководца
была-бы скверная игра
мы все бежали-б друг за дружкой
знамёна пряча под горушкой
Но вдруг ответ звучал кругами
расправив пух усов, комрот
ещё в плечах водил руками
казалось он взбежит умрёт
и там с вершины голос падал
его сверкала речь к ногам
не будь кандашки полководца
то поражение было-б нам
и вмиг пошли неся винтовки
сотни тысяч, пол горы
двести палок, белые головки
пушки, ведьмы,
острые тапоры.

Да-с то было время битвы
ехал по полю казак
и в седле его болталась
манька белая коза

<1926–1927>

26. «Глядел в окно могучий воздух...»

Глядел в окно могучий воздух
погода скверная была
тоска и пыль скрипели в ноздрах
река хохлатая плыла

стоял колдун на берегу
махая шляпой и зонтом
кричал: «смотрите я перебегу
и спрячусь, ласточкой за дом»

И тотчас же побежал
пригибаясь до земли
в его глазах сверкал кинжал
сверкали в ноздрях три змеи

<1926–1927?>

27. В кружок друзей камерной музыки

неходите января
скажем девять – говоря
выступает Левый Фланг
– это просто не хорошо. —
и панг.

<январь 1927>

28. «Берег правый международный...»

Берег правый международный
своемудрием сердитый
обойдённый мной и сыном.
Чисты щёки. Жарки воды.
рыбы куцые сардинки
клич военный. Облак дыма
не прорвёт могучим басом
не родит героя в латах.
Только стражника посуда
опорожница в лохане
Да в реке проклятый Неман
кинет вызов шестипалый
и бобёр ему на смену
носом врежется как шляпка.
а потом беря зажим
сын военного прозвания
робкой девицы признание
с холма мудрого седла
наклоня тугую шею
ей внимает бригадир
бомбардейский командир
Запирает палисад
Марья ключница. И вот
из морей тягучих вод
Слава Богу наконец
выбирается пловец
Как народ ему лепечет

и трясётся на него
осудя руки калачик
непокорного раба
яхты нежные кочуют
над волнами поплавком
раскрываются пучины
перед ним не вдалеке.

24 мая 1926—январь 1927

29. Авиация превращений

Летание без крыл жестокая забава
Попробуй упадешь закинешся неловкий
Она мучения другого не избрала
Её ударили канатом по головке.
Ах, как она упала над болотом!
Закинув юбочки! Мальчишки любовались
Она же кликала в сумятицах пилоту.
но у пилота мягкие усы тот час же оборвались.
Он юношей глядит
смеётся и рулит
остановив жужжанье мух
слетает медленно на мох.
Она: лежу я здесь в мученьях.
Он: сударыня я ваша опора.
Она: Я гибну. Дай печенье.
Вместе: мы гибнем от топора!
Холодеют наши мордочки,
биение – ушло,
Лежим. Открыли форточки
и дышем тяжело.
сторожа идут стучат.
Девьи думы налегке.
Бабы кушают внучат.
Рыбы плавают в реке.
Елки шмыгают в лесу
стонет за морем кашей
А над городом несут
Управление вещей.
То им дядя птичий глаз
ма < >¹³ сердце звучный лед
вдруг тетерев я тишком зараз
улетает самолет.
Там раздувшись он пропал.
Кто остался на песке?

¹³ Пропуски в источнике текста. – Сост.

Мы не знаем. Дед капал
ямы стройные в тоске.
и бросая корешки
В глубину беспечных ям.
Он готовит порошки
Дать болезненным коням.
Ржут лихие удила
Указуя на балду
стойте други он колдун
знает < >¹⁴ дела
вертит облако шкапов
переливает муть печей
В небе тристо колпаков
Строит башни из кирпичей
Там борзое солнце греет
Тьму проклятую грызёт
Там самолёт в Европу реет
И красавицу везёт.
Она: лечу я к женихам.
Пилот: машина поломалась
она кричит пилоту: хам!
машина тут же опускалась
она кричит: отец, отец
Я тут жила. Я тут родилась
потом приходит ей конец
она в подсвечник превратилась.

Мадлэн ты стара холодна
лежать под кустиком одна
склонился юноша к тебе
лицом горячим как Тибет.
Пилот состарился в пути.
руками машет – не летит
ногами движет – не идёт
махнёт разок и упадёт
Потом года лежит не тлен
Тоскует бедная Мадлэн
Плетёт косичку у огня
мечты случайные гоня.

ВСЁ

Январь 1927

¹⁴ Пропуски в источнике текста. – Сост.

30. Испытание

Посвящаю К. С. Малевичу

четыре девки на пороге:

нам у двери ноги ломит
дерним сестры за кольцо
ты взойди на холмик тут же
скинь рубашку с голых плечь
ты взойди на холмик тут же
скинь рубашку с голых плечь

четыре девки сойдя с порога:

были мы на том пороге Песни пели, а теперь
не печальтесь вы подружки
скинем плечи с косяка

Хор:

все четыре. мы же только
скинем плечи с косяка

четыре девки в перспективе:

наши руки многогранны наши головы седы
повернув глаза к востоку
видим нежные следы
Лишь податься на аршин
с незапамятных вершин —
всё исчезнет как плита
будет клумба полита
мы же хвалимся нарядом
мы ликуем целый день
Ты взойди на холмик рядом
плечи круглые раздень
ты взойди на холмик рядом
плечи круглые раздень

четыре девки исчезнув:

ГРОХ-ХО-ЧЧЧА!

Полковник перед зеркалом:

усы завейтесь шагом марш!
приникни сабля к моим бокам

ты гребень волос расчеши
а я российский кавалер
не двинусь. Леню мне или что
не знаю сам. вертись хохол
спадай в тарелку борода
уйду чтоб шпорой прозвенеть
и взять чужие города

одна из девиц:

Полковник вы расстроены?

Полковник:

О нет. Я плохо выспался.
а вы?

Девушка:

А я расстроена уву.

Полковник:

мне жалко вас.
Но есть надежда
что это всё пройдёт
я вам советую развлечься.
Хотите в лес? там сосны жутки...
Иль может в оперу? Тогда
я выпишу из Англии кареты
и даже кучера. Куплю билеты
и мы поедем на дрезине
смотреть принцессу в апельсине
Я знаю: вы совсем ребенок
боитесь близости со мной
но я люблю вас...

девушка:

прочь нахал!

Полковник ручкой помахал
и вышел зубом скрежеща
как дым выходит из прыща.

девушка:

Подруги где вы?! где вы?!

пришли четыре девы сказали:

ты звала?

девица (в сторону):

я зла!

четыре девицы на подоконнике:

Ты не хочешь нас Елена
мы уйдем. Прощай сестра
как смешно твоё колено
ножка белая востра
мы стоим твои подруги
места нету нам прилечь
ты взойди на холмик круглый
скинь рубашку с голых плечь.
ты взойди на холмик круглый
скинь рубашку с голых плечь.

четыре девицы сойдя с подоконника:

Наши руки поднимались
наши головы текли
юбки серенькие бились
на просторном сквозняке.

Хор:

Эй вы там не простудитесь
на просторном сквозняке.

четыре девицы глядя в микроскоп:

мы глядели друг за другом
в нехороший микроскоп
что там было мы не скажем
мы теперь без языка
Только было там крылечко
вился холмик золотой
над холмом бежала речка
и девица за водой
Говорил тогда полковник
глядя вслед и горячо
ты взойди на этот холмик
обнажи своё плечо,
ты взойди на этот холмик
обнажи своё плечо

четыре девицы исчезнув и замолчав:

?ПОЧ-ЧЕМ-МУ!

ВСЁ.

18 февраля 1927 года

Петербург

Д. Х.

31. Пожар

комната. комната горит.
дитя торчит из колыбели
съедает кашу. наверху
под самым потолком
заснула нянька кувырком.
горит стена. Посуда ходит
бежит отец. отец: «пожар!
вон мой мальчик мальчик Петя
как воздушный бьётся шар
где б найти мне обезьяну
вместо сына?» вместо стен
печи вострые на небо
дым пускают сквозь трубу
нянька сонная стрекочет.
нянька: «где я что со мной?
мир становится короче
Петя призраком летит».
Вот мелькнул его сапожки
тень промчится и усы
вьются с присвистом на крышу.
Дом качает как весы.
Нянька бежит в испуге
ищет Петю и гамак.
«где ж ты Петя мальчик милый
что ж ты кашу не доел?»
«Няня, я сгораю няня!»
няня смотрит в колыбель
нет его. глядит в замочек
видит: комната пуста
дым клубами ходит в окна
стены тощие как пух
над карнизом пламя вьется
тут же гром и дождик льётся
и в груди сжимает дух
Люди в касках золотых

тапорами воздух быют
и брандмейстер на машине
воду плескает в кувшине.
Нянька к ним: Вы не видали
Петю мальчика? Не дале
как вчера его кормила.
Брандмайор: как это мило!
Нянька: Боже мой! Но где ж порядок?
Где хваленая дисциплина?
Брандмайор: Твой Петя рядом
он лежит у цеппелина
Он сгорел и папа стонет:
жалко сына.
Нянька: Ох!
Он сгорел – и тихо стонет
тихо падает на мох.

20 февраля 1927 года

32. А. И. Введенскому

В смешную ванну падал друг
Стена кружилась вокруг
Корова чудная плыла
Над домом улица была
И друг мелькая на песке
ходил по комнатам в носке
вертя как фокусник рукой
то левой, а потом другой
потом кидался на постель
когда в болотах корастель
чирикал шапочкой и выл
Уже мой друг не в ванне был.

5 марта <1927>

33. Каментарий к философии А. И. Введенского

§ I. – Удивление

он в комнату бежит на четвериньках
смотрит в комнате стол стоит
ах он рад, он пришёл на вечеринку
позабыв и молодость и стыд
Липавский пьёт легко и звучно

<Начало марта 1927>

34. «Купался грозный Петр Палыч...»

Купался грозный Петр Палыч
Закрыв глаза нырял к окну
на берегу стояла сволоч
бросая в воздух мать одну
но лишь утопленника чистый
мелькал затылок над водой
народ откудато плечистый
бежал на мостик подкидной
Здесь Петр Палыч тонет даже
акулы верно ходят там
нет ничего на свете гаже
чем тело вымыть попалам

<28–29 марта 1927>

35. I Фокусы

Средь нас на палочке деревянной
сидит кукушка в сюртуке
хранит платочек румяный
в своей чешуйчатой руке
мы все как бабушка тоскуем
разинув рты глядим вперед
на табуретку золотую
и всех тотчас же страх берёт
Иван Матвеевич от страха
часы в карман переложил
а Софья Павловна старуха
сидела в сокращеньи жил
а Катя в форточку любясь
звериной ножкой шевеля
холодным потом обливалась
и заворачивалась в шиншиля
из-под комода ехал всадник
лицом красивый как молитва
он с малолетства был садовник
ему подруга бритва
числа не помня своего
держал он курицу в зубах
Иван Матвеевича свело
загнав печенку меж рубях
а Софья Павловна строга
сидела выставив затылок
оттуда выросли рога

и сто четырнадцать бутылок
А Катя в галстук своём
свистела в пальчик соловьём
стыдливо куталась в меха
кормила грудью жениха
Но к ней кукушка наклонялась
как червь кукушка улыбалась
потом на ножки становилась
да так, что Катя удивилась
от удивленья задрожала
и как тарелка убежала.

2 мая 1927 года

36. «Гражданка, вы куда пришли?..»

Гражданка, вы куда пришли?
Что вы держате в руке?
Мы вчера с тобой катались
на всклокоченной реке.
ты глядела рыб жестяных
играла волосом черным черно
говорила: без тебя
мне младенчество вручено
а теперь пришла ты кукла
просишь корточку и брак
год прошёл и ты привыкла
заболев легла в брак
сторож длинными руками
положил тебя на кровать
ты в лицо ему смотрела
взор не в силах оторвать.

<Конец мая 1927>

37. «тихо падала сосна...»

тихо падала сосна
в бесконечную паляну
выла бочка над горой
без движенья и без боли
и прикинувшись шакалом
Михаил бежал по шпалам

<Конец мая 1927>

38. «опускаясь на поленьи...»

опускаясь на поленьи
длинный вечер коротая
говорила в отдоленьи:
умер дядя. Я страдаю.

<Конец мая 1927>

39. Н. А. Заболоцкому

Смотрю пропала жизни вежа,
я сам изрядно и зело
из Ленинграда прочь уехал
уехал в Детское Село
Пиши мой друг ко мне посланье
пока ухватка горяча
твоя строка промчится ланью
передо мною как свеча.

10 июля <1927>

Детское Село

Вогзал

40. «Кучер стыл...»

Кучер стыл.
Блестели дрожки.
Прутик робко рыл песок.
Ай на дыбы становилися матрешки
Ай за корой соловей пересох.
и наш герой склонился к даме
шептал в лицо привет соседке
а кони рвут
летят годами
бросая пыль к пустой беседке
дорога сдвинулась к ногам
кричали мы: направо! к нам!
верти, сворачивай, держи!
слова летали как стрижи

19 августа 1927

Петербург

41. Восстание

был стручок балован судьб
и в министерство к ночи махом
шли коровы в звериной беде
замыкая шествие монахом
хитро звякали колокола
заманить хотели кучера
прочь слетали сапоги
в сапогах нога корячилась

племянник сядь манишку скинь
племянники, весны прощет не малый
племянники, война стоит колом
мерцает Бог и грустное подполье
не ведает пунцовых кобаков

<Около августа 1927>

42. «выходит Мария отвесив поклон...»

выходит Мария отвесив поклон
Мария выходит с тоской на крыльцо
а мы забежав на высокий балкон
поём опуская в тарелку лицо
Мария глядит
и рукой шевелит
и тонкой ногой попирает листы
а мы за гитарой поём да поём
да в ухо трубим непокорной жены
над нами встоят Золотые дымы
за нашей спиной пробегают коты
поём и свистим на балкончике мы
но смотришь уныло за дерево ты
остался потом башмачёк да платок
да реющий в воздухе круглый балкон
да в бурное небо торчит потолок
выходит Мария отвесит поклон
и тихо ступает Мария в траву
и видит цветочек на тонком стебле
Она говорит: я тебя не сорву
я только пройду поклонившись тебе
А мы забежав на балкон высоко
кричим: Поклонись! и гитарой трясем.
Мария глядит и рукой шевелит
и вдруг поклонившись бежит на крыльцо

и тонкой ногой попирает листы
а мы за гитарой поём да поём
да в ухо трубим непокорно<й> жены
да в бурное небо кидаем глаза

*12 октября 1927 года
Петербург*

43. В гостях у Заболоцкого

И вот я к дому подошёл,
который пополю стоял,
который двери растворял.

И на ступеньку прыг бегу.
Потом в четвёртый раз.
А дом стоит на берегу,
У берега как раз.

И вот я в дверь стучу кулак:
Открой меня туды!
А дверь дубовая молчит
хозяину в живот.

Потом я в эту комнату гляжу,
потом я в комнату вхожу,
в которой дым от папирос
хватает за плечо,
да Заболоцкого рука
по комнате бежит,
берёт крылатую трубу
дудит её кругом.
Музыка пляшет. я вхожу
в цилиндре дорогом.

Сажусь направо от себя,
хозяину смеюсь,
читаю, глядя на него,
коварные стихи.
А дом который на реке,
который на лугах,
стоит (который в далеке)
похожий на горох.

ВСЁ.

*Д.Х.
14 декабря 1927 года.*

44. НОЧНЫЙ ОБЫСК

ПРОЛОГ

I сцена. Два матроса

I матрос —

Что летит под небом там
воит блеет и жужжит
перекладина креста
может по небу бежит
Дай ка пулю.

II матрос —

Нет не дам.
Ты убьешь меня ей Богу
Этой пулей как быка
Я не дам тебе ей Богу
эту пулю. Отвяжись!

I матрос —

Е с ли пулю я прошу
Зная буквы имени твоего наперечёт
а ты не дашь, то я прибегну к палашу,
что так метко головы сечёт.

II матрос —

Конечно сталь острее чем свинец
и смерть стальная мной не победима,
но стоит мне спустить курок
ты штурман и детина
почувствуешь конец
и рухнешь на порог
да здравствует свинец!

I матрос —

А видел чорта в рукаве?
Сунься!

<1927>

45. «Приходите приходите...»

Приходите приходите

Воспитанники и паруса
Вы понкраты образованные
И ты нищий с гребёночкой в сапогах
Вот уж день песочный старится
дымом кроется курган
Возле Петьки, возле образа
или в досках на горе
Я горикола горакала
в тумане каллеваллу
пока черешня около
мне сучьями велела
Приходите приходите
на Коломенскую 7
принесите на ладоне
возбуждающую смесь.

<1927>

46. «Вот у всадника вельможи...»

Вот у всадника вельможи
усы нечаяно поднялись
он больше двинуться не может
руки белые сплелись

<1927>

1928

47. Прогулка

шел медведь
вздув рога
стучала его одервенелая нога
он был генералом
служил в кабаке
ходил по дорогам
в ночном колпаке
увидя красотку
он гладил усы
трепал он бородку
смотрел на часы
пятнадцать минут
проходили шутя
обрушился дом
подростало дитя
красотка в доспехе
сверкала спиной
на бледном коне
и в щетине свиной
рука отлетала
на конский задок
коса расцветала
стыдливый цветок.
Белый воздух
в трех шагах
глупо грелся
на горах
открывая
лишь орлу
остуденую
ралу.
Над болотом
на пролом
ездил папа
с топором
из медведя
он стрелял
нажимая
коготок.
Пистолеты
отворял
в полумертвый

потолок
на шкапу
его капрал
обнимался
в темноте
с атаманом
и орел
и светился
в животе.
Дева
шла
неся
портрет
на портрете
был корнет
У корнета
вместо
рук
на щеке
висел
сюртук
а в кармане
сюртука
шевелилася
рука
Генерал
спрятал время
на цепочке золотой
Генерала
звали леля
потому что молодой.
Он потопал
каблуками
приседал и полетал
Под военными полями
о колено бил металл.
увидя девицу на бледном коне
сказал генерал «Приходите ко мне».
девица ответила «Завтра приду
Но ты для меня приготовь резеду».
и сняв осторожно колпак с головы
столетний вояка промолвил «увы.
от этих цветов появляются прыщи
Я спрячусь в газету, а ты меня поищи.
Если барышня-мадам
обнаружит меня там
получите в поталок
генеральский целовок»

<1926—нач. 1928>

48. «Здравствуй. Ты снова тут...»

Здравствуй. Ты снова тут.
Садись пожалуйста на эту
атаманку,
возьми цветочек со стола
и погляди вокруг:
Вот эту лампу к поталку
Я брошу в верх и растолку
смешаю с чистою водой
утру прозрачной бородой.

Эстер

А что ты сделаешь
со мной?

Я

Тебя сревоу,
раздвину ноги
и суну голову туда
и потечёт моих желаний
Эстерки длинная вода.

<Февраль 1928>

49. «Ты ночуешь с Даниилом...»

Ты ночуешь с Даниилом,
Но к несчастью Даниил
Хоть и в рифму с Михаилом,
Но совсем не Михаил.

<13 марта 1928>

50. «Шел мужчина в согнутых штанах...»

Шел мужчина в согнутых штанах
в руках держал махровый цветок
то нюхал он цветочек, то не нюхал
то думал он в платочек, то не думал
и много франтов перед ним
казались вымыслом одним.
Француза встретил наш герой

и рот открыл – обдумать как приветить
«Vous aitez enfen» – что значит: «Вы герой»
сказал мужчина в согнутых перчатках
и в шляпе наклонённой к сапогам
в тяжёлом фраке до калена
с одною пуговкой на пиджаке.
француз покрылся фиолетом
и вынув руку из кармана ответил пистолетом.
ба бах! ответил он мужчине прямо в сердце
ба-бах! ответил он мужчине прямо в грудь
мужчина выпустив цветочек
подумал в шёлковый платочек:
неужто смерть в моём саду?
не уж то смерть в моём саду?
не уж то смерть в моем саду?

<Июнь – июль 1928>

51. Мама НЯМА аманя

гахи глели на меня
сынды плавали во мне
где ты мама, мама Няма
мама дома мамамед!
во болото во овраг
во летает тетервак
тёртый тетер на току
твёрдый пламень едоку.
твердый пламень едока
лож<к>и вилки. Рот развей.
стяга строже. Но пока
звितень зветен соловей
сао соо сию се
коги доги до ноги
Накел тыкал мыкал выкал
мама Няма помоги!
ибо сынды мне внутри
колят пики не понять
ибо гахи раз два три
хотят девочку отнять.
всё.

4 августа. <1928?>

52. Падение с моста

Окно выходит на пустырь

квадратный как пирог
где на сучке висит нетопырь.
Возми свое перо.
Тогда Тюльпанов на лугу
посмотрит в небо сквозь трубу
а Пятаков на берегу
посмотрит в море на бегу.
Нам из комнаты не видать
какая рыба спит в воде
где нетопырь полночный тать
порой живет. и рыбы где.
А с улицы видней
особенно с моста
какая зыбь играет камушком у рыбьего хвоста.
Беги Тюльпанов дорогой.
Скачи коварный Пятаков.
рыб лови рукой.
Тут лошадь без подков
в корыто мечет седока.
Тюльпанов пр и Пятаков
грохочет за бока.
А рыба в море
жрет водяные огурцы.
Ну да, Тюльпанов и Пятаков
большие молодцы.
Я в комнате лежу с тобой
с астрономической трубой
в окно гляжу на брег досчатый
где Пятаков и герр Тюльпанов
открыли материк.
Там я построю домик
чтоб не сидеть под ливнем без покрова
а возле домика стоит
уже готовая корова.
Пойду. Прощайте. Утоплюсь.
Я Фердинанд. Я герр Тюльпанов.
Я Пятаков. Пойду гулять в кафтане
И рыб ловить в фонтане.
Вот мост. Внизу вода.
БУХ.
Это я в воду полетел.
Вода фигурами сложилась
Таков был мой удел.

*Воскресенье
5 авг<уста> 1928 года.
Даниил Хармс*

53. Осса

Посвящается Тамаре Александровне Мейер

На потолке сидела муха
ее мне видно из кровати
она совсем уже старуха
сидит и нюхает ладонь;
я в сапоги скорей оделся
и в торопях надел папаху
поймал дубинку и по мухе
закрыв глаза хватил со всего размаху.
Но тут увидел на косяке
свинью сидящую калачем
ударил я свинью дубинкой,
а ей как видно нипочем.
На печке славный Каратыгин
прицелил в ухо пистолет
ХЛОПНУЛ ВЫСТРЕЛ
я прочитал в печатной книге,
что Каратыгину без малого сто лет
и к печке повернувшись быстро
подумал: верно умер старичек
оставив правнукам в наследство
пустой как штука сундучек.
(Предмет в котором нет материи
не существует как рука
он бродит в воздухе потерянный
вокруг него элементарная кара).
Быть может в сундучке лежал квадратик
похожий на плотину.
Быть может в сундучке сидел солдатик
и охранял эфира скучную картину
мерцающая по бокам шинелью волосатой
глядел насупив переносицу
как по стенам бегут сухие поросята.
<В> солдатской голове большие мысли носятся:
играет муха на потолке
марш конца вещей.
Висит подсвечник на потолке,
а потому прощай.
Покончу жизнь палашом —
все можно написать зеленым карандашом.
На голове взовьются волосы
когда в ногах почувешь полосы.
Стоп. Михайлы начали расти
качаясь при вдыхании премудрости.

Потом счисляются минуты
они неважны и немноги.
Уже прохладны и разуты
как в пробуждении видны ноги.
Тут мысли внешние съедая
— приехали. застава. —
сказала бабушка седая
характера простова.
Толкнув нечаянно Михаила
я проговорил: ты пьешь боржом,
все можно написать зеленым карандашом.
Вот так Тамара
дала священный альдюмениум
зеленого комарá.
Стоп. Разошлось по конусу
летало ветром по носу.
весь человеческий остóв
одно смыкание пластов
рыба плуст
торчит из мертвых уст
человек растет как куст
вместо носа
трепещет óсса
в углу сидит свеча Матильда голышем —
Все можно написать зеленым карандашом.

*Понедельник 6-ое августа 1928 года.
С.-Петербург.
Даниил Хармс.*

54. Жизнь человека на ветру

посвещаю Эри

В лесу меж сосен ехал всадник
Храня улыбку вдоль щеки
Тряслась нога, звенели складки
Волос кружились червяки.
Конь прыгнул поднимая тело
Над быстрой скважиной в лесу.
Сквозь хладный воздух брань летела
Седок шептал «Тебя голубчик я снесу.
Хватит мне. Ах эти муки
Да этот щит, да эти руки,
да этот панцирь пудов на пять,
да этот меч одервянелый
Прощай приятель полковой
Грызи траву. Мелькни венерой

Над этой круглой головой».
А конь ругался «Ну и ветер!
Меня подьмлет к облакам.
Всех уложил проклятый ветер
Прочь на съедение к волкам.
С тебя шкуру снять долой
Сжечь притворив засовом печку
И штукой спрятать под полой.
Снести и кинуть в речку
Потом ищи свою подругу,
Рыб встречных тормаша,
Плыви, любезный мой, в Калугу,
В Калуге девки хороши».
Пел конь, раздув мехи.
Седок молчал в платочек.
Конь устремил глаза. вверху
Седок собрался в маленький комочек.
«Вот жизнь, – ворчал седок —
Сам над собой не властен
Путь долог и высок
Не видать харчевни где б остановиться
Живешь, как дерева кусок,
Иные могут подивиться.
Что я: сознательный предмет
Живой наездник или нет?»
Конь, повернув к нему лицо:
«Твоя конусообразная голова,
Твой затылок, твое лицо,
Твои разумные слова.
Но ухо конское не терпит лжи
Ты лучше песнь придержи».
«Как, – закричал седок летучий, —
Ты мне препятствуешь?
Тварь!
Смотри я сброшу тебя с тучи,
Хребет сломаю о фонарь».
Но тут пронесся дикой птицей
Орел двукрылый как воробей.
И всадник хитрою лисицей
Себя подбадривал «Ну дядя не робей!»
А конь смеялся «Вот так фунт!
Скажи на милость вот так фунт».
«Молчи, – сказал седок прелестный, —
Мы под скалой летим отвестной
Тут не до шуток
Тем более конских
Наставит шишек этот пенъ
Ты лучше морду трубочкой сверни».
Но конь ответил «Мне это лень».

И трах! Губой со всего размаха
У всадника летит папаха,
Кушак болотные сапоги!
Кричит бедняжка: помоги!
Хромым плечом стучит в глину
Изображая смехотворную картину
А конь пустился в пляску.
Спешит на перевязку
И тащит легкую коляску.
В коляске той сидит детина.
Под мышкой держит рысака
Глаза спокойные как тина
Стреляют в землю с высока.
Он едет в кузницу направо
Храня улыбку вдоль щеки
Ресниц колышется орава
Волос кружатся червяки.
Он поет «мое ли тело
Вчера по воздуху летело?
Моя ли сломанная нога
Подошвой била облака
Не сам ли я вчера ругался
О том, что от почвы оторвался
Живешь и сам не знаешь почему?
Жизнь уподоблю я мечу».
Пропев такое предложенье
детина выскочил из брички
(он ростом в полторы сажени)
рукой поправил брючки.
Сказал: Какие заковычки
Сей день готовит для меня
и топнул в сторону коня.
«Ну ты, не больно топочи! —
Заметил конь через очки
Мне такие глупачи
То же самое, что дурочки».
Но тут детина освирепев
В коня пустил бутылкой
«Я зол как лев —
Сказал детина пылкий.
Вот тебе за твое замечание».
Но конское копыто
Пришло в бесконечное качание
Посыпались как из корыта
Удары полные вражды
Детина падал с каждым разом
И вновь молил как жертва скуки и нужды
«Оставь мне жизни хоть на грош
От ныне буду я хорош

Я над тобой построю катоккомбу
Что б ветер не унес тебя».
А сам тихонько вынул бомбу
Конь быстро согласился взмахом головы
И покатился тушей вдоль травы.
Детина рыжим кулаком
Бил мух под самым потолком
В каждом ударе чувствовалась сила
Огонь зажигался в волосах
И радость глупая сквозила
В его опущенных глазах.
Он как орел махал крылами
улыбкой вилась часть щеки
усы взлетали в верх орлами
Волос кружились червяки
А конь валялся под горой
Раздув живот до самых пят.
Над ним два сокола порой
В холодном воздухе парят.

ВСЁ.

14–18 ноября 1928 г.

55. «По вторникам над мостовой...»

По вторникам над мостовой
Воздушный шар летал пустой.
Он тихо в воздухе парил;
В нем кто то трубочку курил,
Смотрел на площади, сады,
Смотрел спокойно до среды,
А в среду, лампу потушив,
Он говорил: Ну город жив.

1928

1929

56. Полет в небеса

Мать:

На од ной ноге скакала
и плясала я кругом
безсердечного ракала
но в объятиях с врагом
Вася в даче на народе
шевелил метлой ковры
Я качалась в огороде
Без движенья головы
Но лежал дремучий порох
Под ударом светлых шпор
Вася! Вася! этот ворох
умету его во двор.
Вася взвыл беря метелку
и садясь в неё верхом
он забыл мою святёлку
улетел и слеп и хром.

Вася:

оторвался океян
темен, лих и окаян
Затопил собою мир
Высох беден, скуп и сир,
В этих бурях плавал дух
развлекаясь нем и глух
На земной взирая шар
Полон хлама, слаб и стар.
Вася крыл над пастухом
На метле несясь верхом
Над пшеницей восходя
Молоток его ладья.
Он бубенчиком звенел
Быстр, ловок, юн и смел
озираясь – это дрянь.

Все хором:

Вася в небе не застрянь.

Пастух, залезая в воду:

Боже крепкий – о-го-го!
Кто несётся высоко?
Дай взгляну через кулак

Сквозь лепёшку и вот так
брошу глазом из бровей
под комету и правей
Гляну в тучу из воды
не закапав бороды.

Вася сверху:

сколько вёрст ушло в затылок
скоро в солнце стукнусь я
разобьюсь горяч и пылок
и погибнет жизнь моя
Пастуха приятный глас
долетел и уколол,
Слышу я в последний раз
человеческий глагол.

мать выбегая из огорода:

Где мой Вася отрочат
Мой потомок и костыль.
Звери ходят и молчат
В небо взвился уж не ты ль?
уж не ты ль покинул дом
поле сад и огород?
не в тебя ль ударил гром
из небесных из ворот?
мне остался лишь ракал
Враг и трепет головы
Ты на воздух ускакал
оторвавшись от травы.
Наша кузница сдана
в отходную кабаллу
Это порох сатана
разорвался на полу
Что мне делать! боже мой
Видишь слёзы на глазах.
Где мой Вася дорогой.

Все хором:

Он застрял на небесах.

ВСЁ

22 янв<аря> 1929

57. «Сидел в корзине зверь...»

Сидел в корзине зверь
по имени Степан

ты этому не верь
жила была дитя
у ней в груди камыш
студёная волна
а в место носа кран
а в место глаза дырка
и плачет и кричит
и стонет животом.

<Январь 1929>

58. «открыв полночные глаза...»

открыв полночные глаза
сидела круглая коза
её суставы костяные
висели дудками в темноте
рога сердечком завитые
пером стояли на плите
коза печальная девица
усы твёрдые сучки
спина – дом, копыто – птица
на переносице очки
несёт рога на поле ржи
в коленях мечутся стрижи
Борух на всаднике полночном
о камни щёлкает: держи!

4 марта 1929 года

59. «пристала к пуделю рука...»

пристала к пуделю рука
торчит из бока кулаком
шумят у пуделя бока
несётся пудель молоком

старуха в том селе жила
имела дойную козу
и вдруг увидела собаку
в своем собственном глазу.

тут она деревню кличет
на скамью сама встаёт
помохов зубами причет
херувимскую поёт

<Март 1929>

60. «Ку...»

Ку
Шу
Тарфик
Ананан

Тарфик

Я город позабыл
я позабыл движение
толпу забыл, коня и двигатель,
и что такое стул
твержу махая зубом
гортань согласными напряжена
она груди как бы жена
а грудь жена хребту
хребет подобен истукану
хватает копья налету.
Хребет защита селезёнок
отец и памятник спины
опора гибких сухожилий
два сердца круглых как блины
я позабыл сравнительную анатомию
где жила трепыхает
где расположено предплечие
рука откудыва махает
на острове мхом покрытом
живу, ночую под корытом
пчелу слежу глаз не спуская
об остров бьёт волна морская
дороги человека злого
и перья с камушков птицелова.

Ку —

На каждом участке отдельных морей
два человека живут поскорей
чем толпы идущих в гору дикарей
На каждой скале одиночных трав
греховные мысли поправ
живёт пустынный седоус и брав.
Я Ку проповедник и Ламмед-Вов
сверху бездна, снизу ров
по бокам толпы львов
Я ваш ответ заранее чую
где время сохнет по пустыням
и смуглый мавр несёт пращу

науку в дар несёт латыням
ответ прольется как отказ
«нет жизнь мне милее
от зверя не отвести мне глаз
меня влечёт к земле руками клея».
Я Ку стоя на ваших маковках
говорю:
«Шкап соединение трёх сил
бей в центр множества скрипучих перьев
согбленных спин, мышинных рылец!
Вас-ли чёрная зависть кленёт
который скрываясь уходит вперёд
Ложится за угол владыка умов.
И тысяча мышц выходят из домов.
Но шкаф над вами есть Ламмед-Вов.
Дальше сила инженера
Рост, грудь, опора, шар
цвети в бумагах нежная Вера
и полный твоих уст пожар.
Гласит Некоторый Сапог:
есть враждебных зонтиков поток
в том потоке не расти росток.
Моё высокое Соображение
как флюгер повёрнуто на восток.
Там стоит слога части
купол крыши точно храм.
люди ходят в двери настеж
всюду виден сор и хлам
Там деревья стену кружат
шкап несётся счётом три
но всегда гласит Наружа:
«Как хотите. Всё внутри».

Тарфик:

Вот это небо эти кущи
эти доли
эти рыбы
эти звери, птицы, люди
эти мухи, лето, сливы
лодка созданная человеком
дом на площади моего пана
не улететь мне совсем на веки
цветы кидая с аэроплана
как-же я в тигровой шкуре
позабытый всем, огулом
удержу моря и бури
открывая ход акулам
о пребрежные колени
ударяет вал морской

сквозь волну бегут олени
очи круглые тоской
Небо рухнет, – море встанет
воды взвоят – рыба канет
лодка – первое дитя
нож кремнёвый, он свидетель
зверем над водой летя
посреди воздушных петель
надо мной сверкает клином
обрывает веточки малинам.
Чем-же буду я питаться
на скале среди воды?
чем кормить я <буду> братца?
Что Ку есть будешь ты?

Ку —

Похлёбка сваренная из бобов
не достойна пищи Богов
и меня отшельника Ламмед-Вов.
Люди, птицы, мухи, лето, сливы
совершенно меня не пленяют
красные плоды
яблоки и сады
звери жмутся они трусливы
лапы точат на все лады
козы пёстрые – они пугливы
реки, стройные пруды
морские пучины, озёра, заливы
родник пускает воды струю
около я с графином стою
буду пить эту воду на земле и в раю.

Тарфик —

Ку ты выше чем средний дуб
чем я который суть глуп
на скале живу орлом
хожу в небо на пролом
всё театр для меня
а театр как земля
чтобы люди там ходили
настоящими ногами
пели, дули, говорили,
представляли перед нами
девы с косами до пупа
выли песни, а скопцы
вяло, кисло, скучно, тупо
девок ловят за концы.
арлекин пузырь хохлатый
босиком несется за

по степям скакающей хатой
на горе бежит коза
Ку, видишь там сидит артист
на высоком стуле он
во лбу тлеет аметист
из рта струится Дон
упадая с плечь долой
до колен висит попона
он жеребчик молодой
напоминает мне дракона
Ку, что он делает?
Ку, что он думает?
Ку, зачем его суставы
неподвижны как бесята
голос трубный и гнусавый
руки тощие висят.
Я хочу понять улабу
задлу шкуру дынуть бе
перевернуть еф бабу
во всём покорствовать тебе.

Ку —
Тарфик, ты
немедля должен
стать проклятым.
Два в тебе
существа.
Одно земное
Тарфик – имя существу
а другое легче вздоха
Ку зовётся существо
для отличья от меня
Ананан – его название
но с<т>ремясь жить на берёзе
он такой-же как и я
Ты-же Тарфик только пятка
только пятка
только пятка
ты-же Тарфик только свечка
будь проклятым Аустерлиц
я же Ку Семён Лудильщик
восемь третьих человека
я души твоей спаситель
я дорога в Астрохань.

Тарфик —
От ныне весь хочу покоя
ноги в разные места
поворачивают сами

пальцы Тарфика листва.
Мясо в яму уползает
слышно легких дуновенье
сердце к плечикам бросает
во мне ходит раздвоенье.
Тела мёртвые основы...

Ку —
Отвалились камнем в ров

Ананан —
С добрым утром часословы!

Ку —
Честь имею: Ламмед-Вов.

24 марта 1929 года.

61. «грамоту кто хочет?..»

грамоту кто хочет?
истину кто видит?
Кто откроет твёрдый шкаф
вынет ваточный халат
окружит себя полрой
долгопятым сюртуком
проживёт всю жизнь в нём
не снимая даже днём
в твёрдом он сидит шкапу
круглым страхом напряжён
с пистолетом на боку
позабыт и наряжён
до того ли что в раю
Бог на дереве сидит
я-же вам и говорю
ты повторяешь он твердит
она поёт
ему лежит
её пошёл
на нём бежит
в ушах банан
в дверях пузырь
в лесу кабан
в болоте пыль
в болоте смех
в болоте шарабан
скачет мавр
сзади всех

за ним ещё бежит кабан
а сзади пыль
а дальше смех
а там несётся шарабан
скачет конь
а сзади всех
несётся по лесу кабан.

18 апреля 1929 года

62. Овца

I

Гуляла белая овца
блуждала белая овца
кричала в поле над рекой
звала ягнят и мелких птиц
махала белой рукой
передо мной лежала ниц
звала меня ступать в траву
а там в траве маша рукой
Гуляла белая овца
блуждала белая овца.

II

Ты знаешь белая овца
ты веришь белая овца
стоит в коронах у плиты
совсем такая-же как ты
Как буд-то я с тобой дружу
короны светлые держу
над нами ты, а сверху я
а выше дом на трёх столбах
а дальше белая овца
гуляет белая овца.

III

Гуляет белая овца
за нею ходит козерог

с большим лицом в кругу Святых
в лохматой сумке как земля
стоит на пастбище как дом
внизу земля, а сверху гром
а с боку мы, кругом земля
над нами Бог в кругу Святых
а выше белая овца
гуляет белая овца.

22 мая 1929 года.

63. «Тётя крёстная Наташа...»

Тётя крёстная Наташа
где же где же ёлка ваша
где же где же ваш сапог
видно он пошёл не впрок

<Май 1929>

64. «Один старик смотрел на небо...»

Один старик смотрел на небо
и всё искал знак воскресения
А в это время на земле
дрожало губительное землетресение.
Люди сидя за обедом
быстро падали со стула
в Костроме стучали двери
над Москвой качалась Тула.
Федя лавочник в причёске
с пёстрым галстуком в груди
на разрушенном прилавке
сапогов сидел среди
Его невеста Катя
румяная всегда
лежала на палатах
с оторванной рукой
а Федя в скором времени
женился на другой.

<31 мая—1 июня 1929>

65. «Откуда я?..»

Откуда я?

Зачем я тут стою?
Что вижу?
Где-же я?
Ну попробую по пальцам
все предметы перечесть.

(Считает по пальцам).

Табуретка столик бочка
ведро кукушка печка
метла сундук рубашка
мяч кузница букашка
дверь на петле
рукоятка на метле
четыре кисточки на платке
восемь кнопок на потолке.

1 июня 1929 года.

66. Папа и его Наблюдатели

Папа:

Кто видал как я танцую?

Гувернёры:

Мы смотрели пол часа
Ты крючком летал в стакане
руки в бантик завернул.

Папа:

Дети дети в наше время
не плясали как теперь
гувернёры в наше время
не смотрели через дверь

Гувернёры:

Мы смотрели сквозь гребёнку
многих правил не блюли
мы показывали ребёнку
твои жесты ой лю-ли

Папа:

Грех показывать ребёнку
жесты праведных людей
опракидывать девчёнку —
мучить маленьких людей
Кто видал как я купаюсь?

Гувернёры:

Мы смотрели из ведра
ты стоял на крыше аист
поздно в бурю до утра.

Папа:

Верю верю точно флюгер
я купался пеликан
вы смотрели. Точно Крюгер
Поднимался великан.
Кто видал как я летаю?

Гувернёры:

Мы смотрели через дом
но лишь звездочка золотая
небеса вела кругом.

всё

6 июня <1929>

67. «Ехал доктор из далёка...»

Ехал доктор из далёка
вёз корзину колпаков
отдыхал на поворотах
прибыл к нам и был таков.
Звали доктора Матрёна
был Матрёна землекоп
но торчал у землекопа
из кармана телескоп
Заболела тётя Катя
не лежит и не сидит
и за мухами глазами
неподвижными следит.
Тётя Катя не хохочет
только плачет как река
мы за доктор<о>м послали
он пришел из далека.

Доктор Матрёна —

Ведь несчастье быва<е>т в виде рака в животе
но страдалец забывает
и купается в воде
а потом ведь неизбежно
зубы храбрые гниют
ведь для зуба неизбежно
нужен воздух и приют

ведь тотчас-же по отрышке
узнается ремесло
и несчастному под мышки
доктор вкладывает весло.

Тётя Катя —

Доктор, вы в меня воткнули
вместо градусника ось.
Вы нас доктор обманули.

Доктор Матрёна —

Я вас вылечу авось.

Тётя Катя —

Вы мне доктор надоели
уходите в тёмный бор.

Доктор Матрёна —

Вы сегодня каку ели?

Тётя Катя —

И не буду с этих пор.

Доктор Матрёна —

Я ударю вас лопатой.

Тётя Катя —

Уходите поскорей.

Доктор Матрёна —

Я ударю вас лопатой.

Тётя Катя —

Уходите поскорей.

Доктор славная Матрёна
вышел в двери шестипал
бросил скучные знамена
руки в землю закопал.
Проходил крестьянин Фóма
влез потом на длинный храм
посмотрел в саду солома
бедный доктор попалам

6 июня <1929>

68. «Стул в кандалах...»

Стул в кандалах.
Его поймали.
Тут муравьед
идёт размеренной стропой
из двери острой мордой смотрит
удивившись как-же так.
Почему собственно говоря стул
пойман в цепи кандавы
всюду степи кольцевые
не удрать и человеку
там гони иль не сгони
руки в пламень окунай
закрепи кольцо стальное
к ножке приделай цепь.
Дай молотом по спинке
развалится стул на части

<Сентябрь 1929>

69. Столкновение дуба с мудрецом

Нука
вот что я вам расскажу:
один человек хотел стать дубом
ногами в землю погрузиться
руками по воздуху размахивать
и вообще быть растением.
Вот он для этого собрал
различные чемодаты
и так раздумывал кедровой головой:
уложу пожитки в баню
сниму штаны
сорву жилет
и буду радости дитя
небесных маковок жилец
чемоданом в верх летя
буду красный жеребец
буду бегать в дверь.
Хотя
вместо дырок
ныне жёсть.
Так что в дверь
нельзя проехать
прыгнуть
хлопнуть
плавать
сесть
легче в стул войти ребёнку

легче в косы ткнуть гребёнку
вынуть руку из пищевода
легче сделать вообще чево то
Но над нашим взлететь миром
с чемоданом как поноской
прыгать в небо слабым тигром
тут наверно ты будешь соской.
Окончив речь
и взяв пожитки
он метнулся в потолок
претерпев тяготенья пытки
он реял над крышей как молоток.
Только б корни к низу бросить
да с камнями перевить
вот и стал бы я как дуб.
Ах!

пасться один среди осин
среди древесин
стоял бы как клавесин
Я бы начал дубом жить.
Хором люди отвечали:
мы доселева молчали
нам казалось вначале
ты задумал о причале.
Но теперь мы увидали
ты умом летишь подале
над землей летаешь сокол
хочешь дубом в землю сесть
Мы категорически возражаем
если сядешь
то узнаешь
то поймешь
то почуешь
какая такая
Наша месть.

Наша месть —

Наша месть гибель уха
глухота
гибель носа
носата
гибель нёба
немота
гибель слёпа
слепота.

Всё это человек выслушал
и всё же при своём остался
Поплакал чуть. Слезинку высушил

и молотком вверху болтался.
Тут вышел мудрец
с четырьмя носами
влез на печь
как на ложе трона
и начал речь:
Во время оно
жил некий именем не славен
короче попросту Иван Буславен.
Так вот
обладатель сего поразительного имени
приехал в город Ленинград
остановился на Василиевском острове, четвертой
линии

и был он этому чрезвычайно рад.
Он пытался многократно
записаться на биржу труда
но к несчастью аккуратно
путь закрыт был ему туда.
Он ходил тогда печальный
и стучался в Исполком
но от туда по голове его печальной
ударяли молотком.
Он бежал тогда в трактиры
там он клянчил хлебный мякиш
но трактирные сатиры
подносили к носу кукиш.
Он скакал тогда домой
развеваясь бородой
и на жизнь хмур и зол
залезал к себе под стол.
Хором люди отвечали
мы доселева молчали
нам казалось в начале
ты задумал о причале.
Но теперь мы видим старче
ты мудрец.
Ты дубов зелёных крепче
ты крепец.
Т. е. не крепец,
а кирпич.
а за это слушай спич.

Спич:

Спич мудрецу
Два килограмма сахара
кило сливочного масла
Добавочную заборную книжку на имя
Неизвестного гражданина Ивана Буславена.

и тристо знойных поцелуев
от в красных шапочках девиц.

Туш:

До
ми
соль
до бе ла
добела
выстерать выстерать
в бане му
дре
ца.

всё

28 сентября 1929 года.

70. «Тут нарисована жена...»

Тут нарисована жена
её глядеть моё призванье
как северный холм
она сложена
в зелёной кофточке стоит
подобно мудрой жене
держит стальное перо
заложив пальцем книгу

<28 сентября—1 октября 1929>

71. Диалог двух сапожников

І сапожник —

В наше время нет вопросов
каждый сам себе ярмо
вопрошает неумелый
глядя в чудное трюмо
там стоит как в отраженьи
шкап стеклянный
точно сон
прислонился без движенья
к золотому стулу он
и вопрос в тебе рождённый
вопрошает: кто творец
ты-ли вихрем побеждённый
или в раме твой дворец.

II сапожник —

мы несём трюмо большое
смотрим шкапа изменение

<28 сентября—1 октября 1929>

72. Ванна Архимеда

Эй Махмет
гони мочало
мыло дай сюда махмет.
крикнул тря свои чресала
в ванне сидя Архимед.
Вот извольте Архимед
вам Суворовскую мазь
Ладно, — молвил Архимед,
сам ко мне ты в ванну влазь.
Влез махмет на подоконник
расчесал волос пучки
Архимед-же греховодник
осторожно снял очки.
Тут махмет подпрыгнул.
Мама! —
крикнул мокрый Архимед.
С высоты огромной прямо
в ванну шлёпнулся махмет.
В наше время нет вопросов
каждый сам себе вопрос
говорил мудрец курносый
в ванне сидя как барбос.
Я к примеру наблюдаю
все научные статьи
в размышлениях витаю
по три дня и по пяти
целый год не слышу крика
веско молвил Архимед
но прибавил он потрика
мой затылок и хребет.
Впрочем да, сказал потом он
и в искусстве впрочем да
я туда в искусстве оном
погружаюсь иногда.
Как-то я среди обеда
прочитал в календаре
выйдет «Ванна Архимеда»
в декабре иль в январе.
Архимед сказал угрюмо

и бородку в косу вил
Да Махмет не фунт изюму,
вдруг он при со во ку пил.
да Махмет не фунт гороху
в посрамленьи умереть
я в науки сделал кроху
а теперь загажен ведь.
Я загажен именами
знаменитейших особь
и скажу тебе меж нами
формалистами в особь.
Но и проза подкачала
да махмет, махмет, махмет.
Эй махмет, гони мочало!
басом крикнул Архимед.
Вот оно, – сказал Махмет.
Вымыть вас? – промолвил он.
Нет – ответил Архимед
и прибавил: вылазь вон.

всё

1 октября 1929 года.

73. «Тюльпанов среди хореев»

Так сказал Тюльпанов камню
камень дуло курам кум
имя камня я не помню
дутый камень девы дум
в клетку плещет воздух лютень
глупо длится долгий плен
выход в поле виден мутен
розы выются в дурь колен
в сад его нога ладоня
русых палец пух лица
дикий памятник уроня
в битву трубы бухаться
лампа громко свет бросала
в пол опутан свет летел
там доска с гвоздём плясала
доску вальсом гвоздь вертел
доску вальсом гвоздь вертел.
а в стену бил рукой Тюльпанов
звал напрасно центр сил
рас над камнем сад тюльпанов
дождик светлый моросил.

ДОЖДИК:

сухо в пепле в ухе сера
дуло в землю пробралось
там в горе проскачет серна
там на валу проходит лось
дубрава трав коргует рогом
рек сдвигает берег зелён
орлиный бег на лбу упругом
несёт обратно грозный клён
Но я дождём сверкаю шашка
близко кокнет бричка вешка
птичка хлопнет в лодку камнем:
вспомнем птичке о недавнем!

ПТИЧКА:

помним сад
в саду скамейка
на скамейке с пирогом
в том саду сидел Тюльпанов
птички плавали кругом
птички плавали кругом.

Помним дом
на крыше пламя
в окнах красная заря
из дверей выходит няня
сказка длинная моя
сказка длинная моя.

няня в сад идёт и плачет
и Тюльпанова манит
а Тюльпанов как цветочек
незабудкою звенит
а Тюльпанов как цветочек
незабудкою звенит.
Подними глаза Тюльпанов
няню глазками окинь
но Тюльпанов сдвинул брови
и задумался. аминь.
но Тюльпанов сдвинул брови
и задумался. аминь.

Тут поднялся камень в битву
двинул войско в дуб сырой
в грудь врагам врезал он бритву
гнулся жаром стыл порой
снова кругла сила чрева
к небу прёт земля пружин
в белый мчится воздух дева

лишь Тюльпанов недвижим
сад к нему склонил вершины
няню тихую привёл
сверху дождь летел в кувшины
с низу в верх цветочек цвёл.
Так сказал Тюльпанов няне:
видишь няня я силен
дождь пройдёт.
цветок завянет
только я пройду как сон.
только я пройду как сон.
только ты пройдешь как лодка
возле сада
вдоль пруда
убежишь моя красotka
няня глупая вода.
няня глупая вода
и лишь птички
ветров дети
не кружатся вокруг небес
не стрекочят в небе дудкой
не летят в дремучий лес
не стрекочат в небе дудкой
не летят в дремучий лес.

только я сажу Тюльпанов
только я сажу да ты
как дитя среди тюльпанов
между птичек ходешь ты
как дитя среди тюльпанов
между птичек ходишь ты.

Няня:

Успокойся мой цветочек
на скамейке пирожок
по воде плывёт кружёчек
за холмом дудит рожок
хочешь я побегу за тобою
по траве по мху по кочкам
буду страшною трубою
бегать следом за цветочком
содрогая бабу медь.
или хочешь буду петь
я в тарелочки ладошь
или в малину спрятав локоть
буду в землю тыкать нож
или прыгать над огнём
или прятаться в двоём
или пальчиками щелкать

буду в домике твоём.

Цветочек:

одинокую тычинкой
в поле воин я стою
временами непогоды
дуют в голову мою.

птички там под облаками
ищут маленьких подруг
звери длинными шагами
ходят по полю вокруг
Я стою на пьедестале
в поле воин одинок
ветры хлопают листьями
травы стелятся у ног.
Скучно мне.
Глаза открою:
все несутся кто куда,
Только няня
ты со мною!
Няня глупая вода.
Няня глупая вода.

23–24 октября 1929 года.

74. «Все все все деревья пиф...»

Все все все деревья пиф
все все все камня паф
вся вся вся природа пуф.

Все все все девицы пиф
все все все мужчины паф
вся вся вся женитьба пуф.

Все все все славяне пиф
все все все евреи паф
вся вся вся Россия пуф.

<Октябрь 1929>

75. «Свои ручки лелея...»

Свои ручки лелея
склонила дева как лилея
держа в руках цвет белой птицы

она мгновенно хорошела
шарф пуховой вязала спицей
шею кутала чтоб не простудиться
вышивала плат шелками
«всякая тварь должна трудиться»
и труд вылетал из рук её аршином
иголка сквозь шелка летала
порою падала на половицу
раздовался звон металла
девица руки вздев к вершинам
в камыш прятала нагое тело
и труд вылетал из рук её аршином
иголка сквозь полотно летела.
День приходил

<Октябрь> 1929

76. «Нева течёт вдоль Академии...»

Нева течёт вдоль Академии
днём светлая.
немая после обеда.
К шести часам Нева лопата
на карте города лежит как на тарелке
святые рыбы
туземцы воденого бреда
плывут как стрелки.
огибая остров
уходят в море под парами
плывут вдоль берега крутого
уже фарфоровыми горами.
их не догонишь холодных беглянок
они плывут у Гельгоlanda
где финские воды бегут меж полянок
озёр голубая гирлянда.
где бедные птицы кривыми ножами
сидят положив море в яму
чтобы создать по краям
подобие берегов
как в чашке цветок сидит с боку
где рыба в центре пирогов
жиром тушит вкус каши
обратный путь в море
на лодке с веслом
плыть храбро в Неву
где родители наши.
Где для вас
для нас

для них
наши воды лезут в трубы
через кран бегут в кувшин
мы подходим точно рыбы
точно саблю воды глотаем
точно камни сторожим
точно воздух в печке таем
точно дети в дом бежим.
вы подносите нам карту
наших славных, чудных мест.
мы кладём её на парту
моря Финского окрест.

<Октябрь 1929>

77. I Разрушение

Неделя – в кратце духа путь
Неделя – вешка знак семи

Неделя – великана дуля
Неделя – в буквах неделима
так неделимая неделя
для дела дни на доли делит
в буднях дела дикой воли
наше тело в ложе тянет

Нам неделя длится долго
мы уходим в понедельник
мы трудимся до субботы
совершая дело в будни

но неделю сокращая
увеличем свой покой
через равный промежуток
сундучёк в четыре дня
видишь день свободных шуток
годом дело догоня
Видишь новая неделя
стала разумом делима
как ладонь из пяти пальцев
стало время течь неумолимо.

Там мы строим время счёт
по закону наших тел.
Время заново течёт
для удобства наших дел.
Неделя – стала нами делима

неделя – дней значёк пяти
неделя – великана дуля
неделя – в путь летит как пуля.
Ура – короткая неделя
ты всё утратила!
И теперь можно приступить
к следующему разрушению.

всё

Начато 6 ноября – кончено 20/21 ноября 1929 года.

78. «Я сидел на одной ноге...»

Я сидел на одной ноге
держал в руках семейный суп
рассказ о глупом сундуке
в котором прятал деньги старик —
Он скуп
направо от меня шумел
тоскливый слон
тоскливый слон.
Зачем шумишь? За чем шумишь?
его спросил я протрезвлязь
Я враг тебе, я суп, я князь.
Умолкнул долгий шум слона
остыл в руках семейный суп.
от голода у меня текла слюна
потратить деньги на обед
Я слишком скуп
Уж лучше купить
пару замшевых перчаток
лучше денег накопить
на поездку с Галей С
за ограду града в лес.

всё

28 дек. <1929>

79. «Мы (два тождественных человека): Приход нового года...»

Мы (два тождественных человека):
Приход нового года
мы ждём с нетерпением
мы запасли вино
и пикули

и свежие котлеты.
Садитесь к столу.
Без четверти двенадцать
поднимем тост
и выпьем братцы
за старый год.
И рухнет мост
и к прошлым девам
нам путь отрезан.
и светлых бездн
нашъ перёд.

Зритель:

Смотрите он весло берёт
и люлькой в комнате летает
предметы вокруг следят полёт
от быстрых точек рассветает
в Неве тоскливый тает лёд
в ладоши бьёт земля и люди
и в небо смотрит мудрый скот
Но тут наступает 0 часов и
начинается Новый Год

Вторник 31 декабря 1929 года 23 часа 45 минут.

1930

80. Галине Николаевне Леман-Соколовой

На коньках с тобой Галина
на котке поедem мы
О холодная Галина
в центре маленькой зимы!
Ты Галина едeшь ловко
Хоть и грузна на подъem.
Пусть покоится головка
Твоя головка на плече моem
Я-же еду безобразно
рылом стучаюсь об лёд
ты-же милая прекрасно
едишь соколом в перёд.

3 января 1930 года

81. Жене

Давно я не садился и не писал
Я расслабленный свисал
из руки перо валилось
на меня жена садилась
Я отпихивал бумагу
цаловал свою жену
предо мной сидящу нагу
соблюдая тишину.
цаловал жену я в бок
в шею в грудь и под живот
прямо чмокал между ног
где любовный сок течёт
а жена меня стыдливо
обнимала тёплой ляжкой
и в лицо мне прямо лила
сок любовный как из фляжки
я стонал от нежной страсти
и глотал тягучий сок
и жена стонала вместе
утирая слезы с ног.
и прижав к моим губам
две трепещущие губки
изгибалась пополам
от стыда скрываясь в юбке.

По щекам моим бежали
струйки нежные стократы
и по комнате летали
женских ласок ароматы.
Но довольно! Где перо?
Где бумага и чернила?
Аромат летит в окно,
в страхе милая вскочила.
Я за стол и ну писать
давай буквы составлять
давай дёргать за верёвку
Смыслы разные сплетать.

3 января <1930>

82. «Соловей скатываясь в ящик: Я пел...»

Соловей скатываясь в ящик:

Я пел
теперь я стрел
а ты песок
твой лоб высок
согни хребёт
земля кругла
в ней дыр и скважен
больше орла
ты в землю пяткой друг посажен
лежишь в пустыне жёлт и важен
заметен в небе твой лоскут
в тебе картошку запекут
я кончил петь
пора летать
орла в кострюле свежевать
и в землю ткнуть орлиный хрящик
не то меня запрячат в ящик.

Одинокий бедуин глядя на летящий песок:

вон песок летит арабы
очи нам засыпет он
скрыться люди Ах кудабы
только б сгинул этот сок

Хор Бедуинов и архангелов:

Эх ухнем по песку
расшвыряем глупую тоску!

Одинокий Бедуин:

И птичка там в песок попала

в верх животиком летит
И птичка бедная пропала
даже конь мой не глядит

Хор:

Эх ухнем по песку
расшвыряем глупую тоску!

всё

4 января <1930>

83. «В шкапу стояла мать моя...»

В шкапу стояла мать моя
над ней сюртук висел
Я сам в душе кровать тая
задумчивый сидел
Но вдруг приходит новый год
и первое число
ко мне ложится на живот
я чувствую весло.

4 янв<аря> 1930 года

84. Стук перед

Где тупоумию конец?
Где вдохновению свинец?
чтоб не трогать верх затылка
в потолок очей не бить
приходи чернил бутылка
буквы пёрышком лепить
время ты неслышно ходишь
отмечая стрелкой путь.
в лево маятник отводишь
он летит обратно с треском
время кажется отрезком
вопрос: надо-ли время?
мы ответим: время будь
мы отметим время буквой

11 января <1930>

85. «Мы приехали. Шипела...»

Мы приехали. Шипела
керосиновая каша
на столе коробка с мелом
керосиновая наша
Мария Ивановна удивилась
и давай гормонь тянуть
песня керосиновая полилась
возбуждая нашу грудь
к плачу. Мы лицом уткнулись
в керосиновый графин
в нем находим утешенье
в нём находим парафин
Ладно люди, мы не дети
Мария Ив. букашка
в керосиновом букете
открывается ромашка
Мария Ивановна из пяток
нам рубашку будет шить
то то мы пойдём в присядку
рубашёнкой тлен прикрыв

<Между 11 и 13 января 1930>

86. «Всё наступает наконец...»

Всё наступает наконец
и так последовательнос<т>ь создаётся
как странно если б два события
вдруг наступили одновременно.

Загадка:

А если вместо двух событий
наступит восем пузырьков.

Ответ:

Тогда конечно мы б легли.

Ответ был чист и краток.
в бумагу завернули человека.
Бумаги нет. Пришла зима.

13 янв<аря 1930>

87. «Жил мельник...»

Жил мельник
дочь его Агнеса
в кругу зверей шутила днями

пугая скот из недр леса
её зрачки блестят огнями
Но мельник был свереп и зол
Агнесу бил кнутом
возил ячмень из дальних сёл
и ночью спал потом.
Агнеса мельнику в кадык
сажает утром боб
рычит Агнеса. мельник прыг
но в двери входит поп.
Агнеса длинная садится
попа сажает рядом в стул
крылатый мельник. Он стыдится
Ах если б ветер вдруг подул
и крылья мельницы вертелись
то поп Агнеса и болтун
на крыше мельника слетелись.
и мельник счастлив. он колдун.

13 янв<аря> 1930 года

88. «чтобы в пулю не смеяться...»

чтобы в пулю не смеяться
мы в бочёнок спрячем лик
да затылки не боятся
отвечая хором пик
и печонка усмехаясь
воскресает из могил
и несётся колыхаясь
над убитыми Ахилл.
и змея в песочной лавке
жрёт винтовку, дом и плуг
и Варвара в камилавке
с топором летит вокруг.
да смеются мы будем
мы в бочёнке просидим
а когда тебя забудем
вновь к тебе мы прилетим.
и тогда мы перепьёмся
и тогда мы посмеёмся

всё

14 января 1930 года.

89. «Нет ответа. Камень сок...»

Нет ответа. Камень сок
едут грабли паровые
Земли земли где же сок?
ваши люди кондавые.
Зря, в ответ щебечет сок,
спите кинув руки врозь
сквозь платок мы слышим стон
Звери! в мыслях пронеслось
наша слабая надежда
это ползает одежда
а быть может ходят львицы
по скрипучей половице.
Кто там ходит? Мостовые?
Звери люди или сок?
Едут грабли восковые
Нет ответа. Камень сок.

Всё

15 января <1930>

90. «Нука выбеги Маруся...»

Нука выбеги Маруся
на Балканы. на морозе
огороды золотеют
пролетают карабины
в усечённые пещёры
и туманятся вечера
первобытные олени
отдыхают на полене
птицы храбрые в колях
отдыхают на полях
вот и люди на заре
отдыхают в пузыре
вот и старый Ксенофан
отдыхает в сарафан
вот и бомба и камыш
вот и лампа каратыш.
Осветили на Балканах
не проезжие пути
подними вино в стаканах
над кушеткою лети.

17 янв<аря> 1930 года

91. Злое собрание НЕверных

Не я-ли Господи? подумали апостолы.
Вот признаки:
лицо как мышь,
крыло как нож,
ступня как пароходик,
дом как семейство,
мост как пол ванта,
халат как бровь атланта.
Один лишь гений. Да, но кто-же?
Один умён, другой тупица, третий глуп.
Но кто же гений? Боже, Боже!
Все люди бедны. Я тулуп.

17 января 1930 года.

92. Утро (пробуждение элементов)

Бог проснулся. Отпер глаз,
взял песчинку, бросил в нас.
Мы проснулись. Вышел сон.
Чуем утро. Слышим стон.
Это сонный зверь зевнул.
Это скрипнул тихо стул.
Это сонный, разомлев,
тянет голову сам лев.
Спит двурога коза.
Дремлет гибкая лоза.
Вот ночную гонит лень —
из мха встает олень.
Тело стройное несет,
шкуру темную трясет.
Вон проснулся в поле пень:
значит, утро, значит день.
Над землей цветок не спит.
Птица-пигалица летит,
смотрит: мы стоим в горах
в длинных брюках, в колпаках,
колпаками ловим тень,
славословим новый день.

всё

<18 января 1930>

93. Падение вод

стукнул в печке молоток
рухнул об пол потолок
надо мной открылся ход
в бесконечный небосвод
погляди небесных вод
льются реки в землю вот
я подумал: подожди
это рухнули дожди.
тухнет печка. Спят дрова
мокнут сосны и трава
на траве стоит петух
он глядит в небесных мух
мухи снов живые точки
лают песни на цветочке.

Мухи:

поглядите мухи в небо
там сидит богиня Геба
поглядите мухи в море
там уныние да горе
над водой колышат пар.
гляньте мухи в самовар!

Мухи:

в самовар глядим подруги
там пары встают упруги
лезут в чайник. он летит
воду в чашке кипятит.
бьётся в чашке кипятик.
Гряньте мухи эпилог!

Мухи:

Это крыши разлетелись
открывая в небо ход
это звёзды развертелись
сокращая чисел год
Это вод небесных реки
пали в землю из дыры
Это звёзд небесных греки
шлют на землю к нам дары.
Это стукнул молоток
Это рухнул поталок
Это скрипнул табурет

Это мухи лают бред.

всё

24 января 1930 года.

Даниил Хармс

С.-Петербург.

94. Ужин

Стукнул кокер. Сто минут.
Прыгнул фокер. Был помнут.
вышла пика. Нет плиты.
Здравствуй Кика. вот и ты.

Кика:

Надя нам сварила чай
мне сказала: отвечай!
Тут ответил я: калтун.
Пала дверь, вошёл колдун.

Колдун:

Дайте хлеба мне и нож
Я простужен. – в теле дрожь.
Я контужен, стар и сед.
Познакомтесь: мой сосед.

Сосед:

Здравствуй Кика старикан.
Здравствуй Надя. Дай стакан
Здравствуй чайник. Здравствуй дом.
Здравствуй лампа, Здравствуй гном.

Гном:

Видел я во сне горох.
Утром встал и вдруг подох
Я подумал: ну и сон!
Входит Кока. Вот и он.

Кока:

Ветер дул. текла вода.
Пели птицы. Шли года.
Стукнул кокер.
Прыгнул фокер.
и пришёл я к вам тогда.

Все хором:

Начнем же ужинать!

всё

*Даниил Хармс
24 января 1930 года.
С.-Петербург*

95. «Я в трамвае видел деву...»

Я в трамвае видел деву
даже девушку друзья
вся она такой бутончик
рассказать не в силах я

Но со мной чинарь Введенский
ехал тоже как дурак
видя деву снял я шляпу
и Введенский снял колпак.

<Январь 1930>

96. «Вам поверить...»

Вам поверить
я не могу
для этого мне надо скинуть рубаху
Я без платья великан
в таком виде я к вам не пойду.
Ах целуйте меня с размаху.
Вот мои губы
вот мои плечи
вот мои трубы
вот мои свечи.
Дайте мне платок
я полезу на потолок.
Положите мне горчичник
я забуду рукавички
лягу спать верхом на птичник
буду в землю класть яички.
Нам великанам довольно пальбы
ваши затихли просьбы и мольбы
настиг вас жребий дум высоких
пробка в черепе. Вы с дыркой.
Умечали рысооки
на коне лежать под мыркой.
Не достоин, не достоин, не достоин
вашу обувь развязать.

Я в рубахе наг и строен
я натура, так сказать.
И нет во мне той милой склонности
греть ваши ноги о девушка
тона девичьего до нести
вашего голоса девушка
Я строг и знатен
хожу среди полатин
швыряя пыль ногой
вот я какой!
До вашего дома
иду по досочке
а дальше ведома
толпа мной в сорочке
и штопотом, хриплетом, банками
садимся на шпиль Петропавловской
крепости рыжими в воздух баранками.

всё

13 февраля 1930 года. Д. Х.

97. «Наступала ночь в битву Сергея Радунского с Миколоем...»

Наступала ночь в битву Сергея Радунского с Миколоем Согнифалом. Достаточно было перебито людей и шерстяных лисиц. Войско Сергея Радунского скакало с пиками заострённых карандашей. А Миколой Согнифал пускал шерстяных лисиц перегрызать логти воинов Сергея Радунского. Первая битва произошла в лесу на комодке с подсвечником.

Дрался воин первый мечник
бил графином кусаря.
прыгал храбро за подсвечник
брюхо пикой разоря.

Тот ложился ниц контужен
ливня зонтик пополам
мечник резал первый пужин
шкуру бивня кандалам.

Вон скачет пушкин ветру следом
целит пушку в лисий холмик.
Он скакунец машет пледом
лопнул гром. проходит пол миг.

Револьверцы скачат вира
Миколая носа близко

13 февраля 1930 года.

98. «Девыцы только часть вселенной...»

Девыцы только часть вселенной
кувшины стройных рек
мы без девыц пройдем по вселенной
душа сказала «грек».
Притворился милый облик
он увы не узнаваем
над кроватью держит Бог Лик.
Ну давай его взломаем!
Что посмотрим под доской
укрошает взгляд людской.
Над кроватью Бог повис
мы у Бога просим жалости.
Опускает Бог ресницы вниз
пряча взоры в темноте
он глядит на наши шалости.
И мы уже совсем не те

17 февраля 1930 года. Д. Х.

99. «Где я потерял руку?..»

Где я потерял руку?
Она была, но отлетела
я в рукаве наблюдаю скуку
моего тела.
Что-то скажет Дом Печати
что-то скажет раздевалка
моей руки одно зачатие
с плеча висит.
Как это жалко.
Люди!
Кто мне примус накачает?
Плети!
Кто стегаться вами станет?
Мыло!
Кто в ручей тебя опустит?
Никому то неизвестно.
Даня!
Кто в кровать тебя разденет
твои сапоги растегнёт
и в шкаф поставит.
Спать уложит. Перекрестит.
перевернётся. кто уснёт?
кто проснётся на другой день

посмотреть в окно и плюнуть?
х<о>д ночей был мною пройден
разрешите в небо дунуть.
Это верно. Мы двуруки
равновесие храним
поперёк души науки
образ храброго гоним.
То отведали поляки
боль ранения на сечи
были паны, стали каляки.
Заводить убитых речи
Силы рта раздвинуть нет
коли панов закопали,
коли жив на землю гнет
остальные в битве пали.
Остальных ломает и мнёт
полевых цветочков мёд.

Но куда-же я руку задевал.
Знаю нет её в руках.
Помню куртку надевал.
Но теперь понятно ах!
Вот она забыв перёд
пересела на хребёт.
Надо Надо
перешить рукав на спину.

20 февраля 1930 года.

Д. Х.

100. «Земли, огня и ветра дщери...»

Земли, огня и ветра дщери
меча зрачков лиловый пламень
сидели храбрые в пещере
вокруг огня. Тесали камень.
Тут птицы с крыльями носились
глядели в пламя сквозь очки
на камни круглые садились
тараша круглые зрачки.
Кыш летите вон от сюда
им сестры кричали взволновано
храм пещерного сосуда
это место заколдованно.
Мы все вместе
служим в тресте
на машинках день и полночь
отбиваем знаки смыслов

дел бумажных полный стол тучь
мух жуков и корамыслов.
Только птицы прочь и кыш
с веток, с тумбов, с окон, с крышь.
Очень птицы удивились
на косматых глядя дев
клювом стукнули и взвились
очи злые к небу вздев
и когтей раскинув грабли,
рассекая воздух перьями
разлетались дирежабли
над Российскими империями.

<Февраль 1930>

Д. Х.

101. переферация

мы открыли наш приют
всех желающих скрипеть
и всех на улице поют
во дворах которые смотреть.
Встала точка места фи
остановка выражений.
мыслей вспучаных сражений
оборвали разом Ли
те артисточки смеясь
нам кивали четвергом
но воскликнул сторож: князь
обращаясь так в меня
он присел и наклонясь
Эм пропел меня веселя
а я потребовал принести киселя.

всё

2 марта 1930 года

102. «В небесари ликомин...»

1.

В небесари ликомин
мы искали какалин
с нами Пётр Комиссар
твёрдый житель небесар.

2.

в этой комнате Коган
под столом держал наган
в этот бак Игудиил
дуло в череп наводил.
и клочёк волос трепал
Я сидел и трепетал.

3.

Им ответа старый Бог
объясняет пули вред
деда мира педагог
Повторим усонших бред!
То румян и бледен был
в карты глядя в чертежи
стены пали. воздух плыл
дом и стёкла и чижи.

4.

Концы пели гилага
ги га гели стерегли
вышел кокер из угла
концы в землю полегли
встали пунцы у коны
взяли свинцы мекеле
пали благи, вьются флаги.
воют пунцы в помеле.

4 марта 1930 года.

Д. Х.

103. «Я устал не спать ночей...»

Я устал не спать ночей
лоб сгустился тяжелея.
Шея встала из плечей
Я пошёл гулять маме

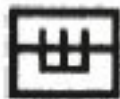
29 мая 1930 года. Даниил Хармс.

105. Сон рубашку

Я не сплю. Темно в печи.
взоры к берегу мечи.
Видишь берег бел и крут
волны в берег бьют и мрут
вот и мухи как мячи
вьются около свечи
Я же свечки не боюсь
Я как муха на пшене
вспоминаю о жене.
пом<н>ю день покинул сад
Было год тому назад
ехал я, стучал вагон
был я грустный как охакон.

<1–8 августа 1930>

106. Лапа

У храпа есть концы голос
подобны хрипы запятым
подушку спутанных волос
перекрести ключом святым.
из головы цветок ворастает
сон ли это или смерть
зверь тетрадь мою листает
червь глотает ночь и зберть
там пух петухов
на Глинкин плац
осел шатром из пушки бац
сон упёрся на бедро
ветер западный. – Ведро.
О статуя всех статуй
дням дыханье растатуй
леса лужи протеки
где грибы во мху дики
молви людям: пустяки
мне в колодец окунаться
мрамор духа холодить

я невеста Земляка
не в силах по земле ходить
Во мне живёт младенца тяжесть.
Жесть неба сгинь!
От ныне я жесть.
И медь и кобальт и пружина
в чугунок проникли головой
от туда сталь кричит: ножи на!
И тигра хвост моховой!
И всё же бреду я беременная
Батюшка! Это ремень но не я!
Батюшка! Это ремень но не мать!
Будут тебя мой голубчик
Будут тебя мой голубчик
Будут тебя мой голубчик
Сосны тогда обнимать.

Сказала и упала.
А эхо крикнуло: Магога!
И наступила ночь Купала
когда трава глядит на Бога.
Два Невских пересёкли чащи
пустя по воздуху канатик
и паровоз дышал шипяще
в глаза небесных математик.
Ответил Бог: на камне плоском
стоял Земляк. он трубку курил.
Его глаза залеплены воском.
«Мне плохо видно». – он говорил.
«Куда ушла моя статуя
моё светило из светил.
Один на свете холостуя
взоры к небу привентил.
По ударам сердца счёт
время ласково течёт
по часам и по столу
по корням и по стволу.
и отмечу я в тетради
встречи статуя с тобой
тебя ради
жизнь сделаю рабой.
Тебя ради встану рано
лягу в воду по лопатки
леги неги деги веги
боги воги нуки вуки».

Из Полтавы дунул дух
полон хлеба полон мух
кто подышет не упи

мама воздуха купи.
Я гора, а ты песок
ты квадрат, а я высок
Я часы, а ты снаряд
скоро звёзды закорят.
Мама воздуха не даст
атмосферы тонок пласт
блещут звёзды как ножи.
Мама Бога покажи!
Ты челнок, а я лодья
ты щенок, а я судья
ты штаны, а я подол
ты овраг, я niskий дол
ты земля, а я престол.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Аминь

* * *

Земляк —
Что это жужжит?

Власть —
Это ты спишь.

Земляк —
Я вижу цветок над своей головой.
Можно его сорвать?

Власть —
Опусти агам к ногам.

Земляк —
Что такое агам?

Власть —
Разве ты не знаешь?

Жил старик. Его сын работал на заводе и приходил домой грязный. Старик кипятил воду чтобы сын мыл руки. В воде плавали тараканы и мелкие бактерии. Сын смотрел сквозь голубую воду и видел дно. В воде плавало отражение сына. Старик выплёскивал воду из таза вместе с отражением сына. Но отражение застревало в трубе и машинка не спускалась. Старик шёл к управдому и просил поченить уборную. Управдом писал отношение и ложился спать. На другой день сын шёл на завод выделять дробь.

Земляк — А что делал старик?
Власть — Разве ты не знаешь?

Старик читал книгу. Потом закладывал книгу спичкой и растапливал печь. Дрова он носил на согнутой левой руке и нося дрова думал: от дров быстро портится рукав пиджака.

Земляк – А что такое агам?

Власть – Разве ты не знаешь?

На небе есть четыре звезды Лебеда. Это Северный крест. Недавно среди звёзд появилась новая звезда – Лебедь Агам. Кто сорвёт эту звезду, тот может не видеть снов.

Земляк —

Мне рукой не достать до неба.

Власть —

Ты встань на крышу.

(Земляк встает на крышу)

Власть —

Ну как?

Земляк —

Авла диндури пре пре пру кру.

(Статуя на крыше хватает земляка и делает его легким)

Земляк —

Я ле!

Птицы не больше перочинных ножигов.

Ле!

Откройте озеро, чтобы вода стала ле!

Откройте гору, чтобы из неё вышли пары.

Остановите Часы, потому что время ушло
в землю! Смотрите какой я ле!

Утюгов – (смотря из – окна наверх) —

Эй послушайте там! Гражданин.

вы мешаете читать мне газету.

И потом, что за дьявол! На чём вы
держитесь?

Земляк – (хохоча) —

Я от х́аха и от хиха

я от хоха и от хеха

еду в небо как орлиха
отлетаю как прореха.

Утюгов – (размахивая – газетой) —

Я меняю свою жилплощадь на большую!
Бап боп батурай!
На большую!
Запомните кокон, фокон, зокен, мокен.

Земляк —

Где я? Что это за место?

Ангел – Капуста – Нил.

(Воск тает с глаз Земляка. Земляк смотрит окрестности).

Описание Нила

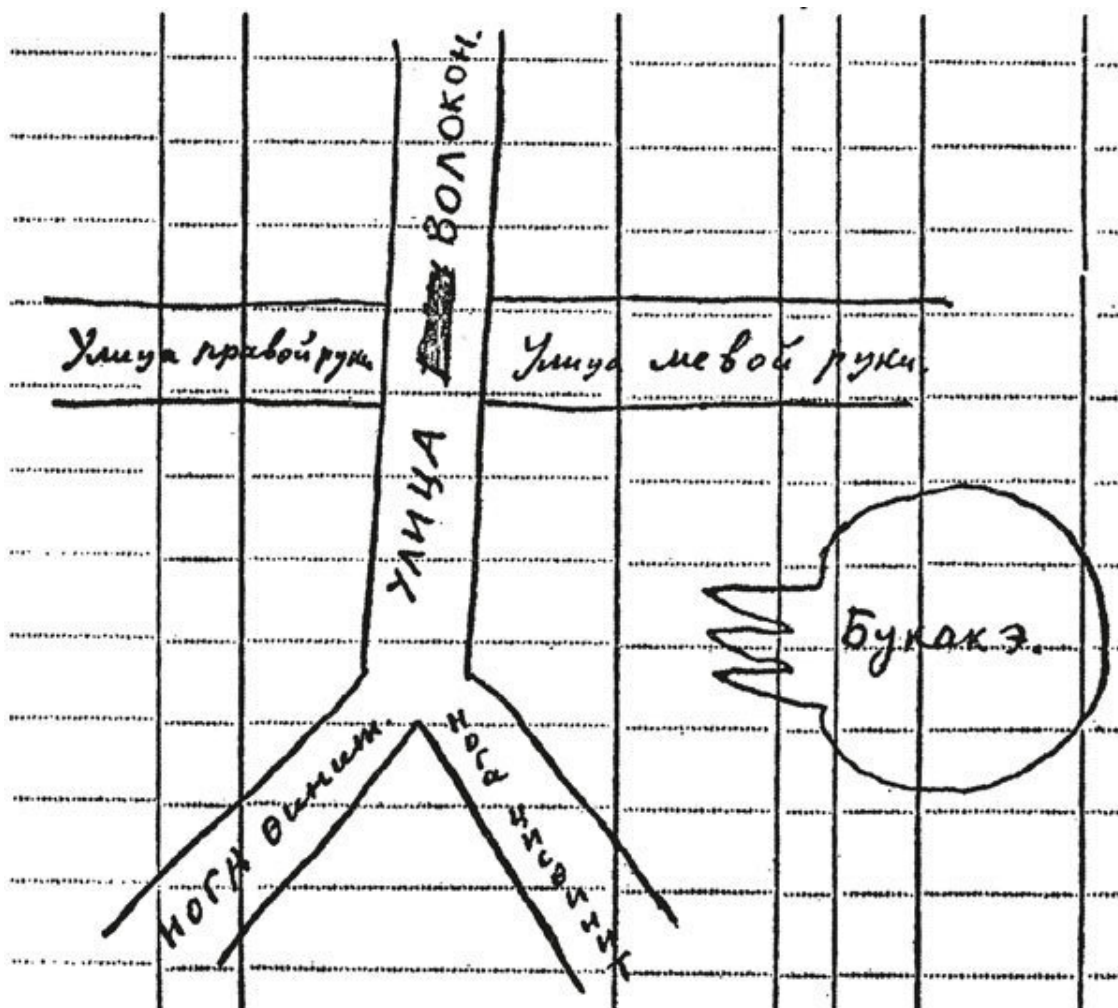
Картина представляет собой гроб. Только вместо глазури идёт пароходик и летит птица. В гробу лежит человек, от смерти зелёной. Чтобы казаться живым, он всё время говорит.

«Чтобы сварить суп, надо затопить плиту и поставить на неё кастрюлю с водой. Когда вода вскипит, надо в воду бросить морковь и... нет стрелу и фо... нет надо в воду положить карету. Хотя это уже не то».

Судя по тому что говорил человек, он был явно покойник. Но несмотря на это он держал в руках подсвечник. Собственно говоря это и был Нил.

В Ниле плавал Аменхотеп. Он был в трусиках и в кепке.

Вот план Аменхотепа:

Николай же Иванович держал в руках ибиса и смотрел что у него под хвостом.

Земляк – Ну как Николай Иванович?

Н.И. – Да вот знаете-ли ещё не разобрал в чём дело. Тут видите ли пух мешает.

Земляк – Да. Тяжело.

Н.И. – Там лучше было. Там знаете ли
возмешь гречневую кашу с маслом, или ещё лучше если она холодная и с молоком и
съешь.

Земляк – Или ватрушку. Особенно если её есть прямо так по простецки, взяв в руку.

Н. И. – (вздыхнув) – Или суп. Знаете ли, чтобы сделать суп, надо положить в воду мясо
и рыбу.

(К ним подсаживается покойник).

Покойник – Ылы ф зуб фоложить мроковь. Ылы спржу. Ылы букварь. Ылы дрыдноут.

(Из за горизонта доносится крик):

...Меньшую на большую! Бап боп батурай!

Аменхотеп вылезает из воды и идёт по острым камушкам. Игги больно и Аменхотеп машет руками и то и дело приседает. Добравшись до песка он бежит уже свободно и наконец валится в песок и валяется.

«Покурить-бы», – говорит Аменхотеп. вокруг молчат. Николай Иванович сердито смотрит Ибису под хвост.

Аменхотеп снимает трусики, выжимает их и вешает на солнце сушиться. А сам смотрит по сторонам не идёт-ли где женщина. Но женщин не видать, только на берегу подсвечника стоит женская мраморная статуя

Земляк – Ну, ребятки, передохнул с вами, да пора и дальше.

– Куда, – спрашивает его Николай Иванович.

– Да я знаете к Лебедям, – говорит земляк.

И земляк поднимается выше.

Тут стоят два дерева и любят друг друга. Одно дерево волк, другое волчица.

Когда земляк выглянул из за угла, то волк кинулся к решотке.

Земляк спрятался.

Волк поцеловал волчиху.

Земляк опять вышел из за прикрытия.

– Где здесь Лебедь? спросил он волков.

И вот вышел сторож в белом халате. Он держал в руках длинный скребок.

– Лебеди, сказал сторож нюхая кусок хлеба чтобы не заплакать. – Они там. Вон в том доме.

Земляк пошёл вдоль пруда. В пруду лежал снег.

Птичник

В птичнике очень воняло. В углу сидела маленькая девочка и ела земляные лепёшки. Девочка была очень грязная и нечистоплотная. На асфальтовом полу были пробоины, а в пробоинах стояли лужи. Старичок в длинном черном пальто, ходил по лужам и боком смотрел на птиц

Комнату разделяла перегородка вышиной в аршин. За перегородкой расхаживали большие птицы. Пеликаны сидели вокруг бассейна и в грязной воде полоскали свои клювы.

Девочка отложила в сторону земляную лепёшку и запела. Рот у девочки был похож на круглую дырочку.

Девочка пела:

Пли пли

Кля кля

Смах смах гапчанух

векибаки сабаче

дубти кепче алдалаб
смерх пурх соловьи
сели или е ли а
соо суо сыа се
соловеи веи во
вие вао вуа ви
вуа व्या вао вю
пю пю пю пю
закурак.

Один пеликан, самый старый начал танцевать. На голове его изгибался седой хохол, а красные глазки свирепо смотрели в морскую раковину. Сначала он долго топал ногами на одном месте. Потом начал перебегать на несколько шагов то вперёд, то назад, причём его голова оставалась неподвижной в одной и той же воздушной точке. Изгибалась только шея. Вдруг пеликан пустил одно крыло по полу и начал разворачиваться на одной ноге, притоптывая другой. Сначала развернулся в одну сторону, потом в другую, а потом вдруг поплыл как боярышня, волоча за собой по полу оба крыла.

Остальные птицы притихли, расступились и стояли уткнувшись носом в стену не глядя на танец пеликана.

– Молчать! – крикнул вдруг старичок в длинном чёрном пальто.

Никто не обратил на это внимания. Девочка продолжала петь, а пеликан танцевать.

– И это небо! – сказал сокрушённо старичок. – Фу фу фу! Какая здесь гадость!

– Почему вы думаете, что это небо? – Спросил старичка другой такой-же старичок неизвестно откуда появившийся.

– Ах бростье, сказал прежний старичок. Я всю жизнь старался не петь глупых песен. А тут ведь поют нечто безобразное.

– А вы тоже попробуйте, – сказал такой-же старичок. Но старичок покачал только головой, отчего пенсне с его носа свалилось в лужу.

– Ну вот видите? Вот видите? – сказал обиженно старичок.

Дверь отворилась и в птичник вошёл земляк.

– Лебедь у вас? – громко спросил он.

– Да, я тут! – крикнул Лебедь.

– Ура! Это небо? – спросил земляк.

– Да, это небо! – крикнуло небо.

Но тут пролетел Ангел Копуста и земляк снова вошёл в птичник.

– Лебедь у вас? – громко спросил он.

– Да, я тут! – крикнул Лебедь.

– Ура! Значит это небо! – крикнул земляк.

– Да, это небо, – сказал Ангел Копуста.

Это небо
ибо Лебедь здесь владыка
Ну ка дева
принеси ка мне воды-ка.

Маленькая девочка сбегала за водой. Ангел Копуста выпил воды утёр усы и сказал:

– Холодная сволочь, а вкусная. Сей час господствует эпидемия брюшного тифа, но не беда. Надо только утром и вечером потирать ладошкой живот и приговаривать: Бурчи, да не болей.

Вдруг земляк огромным прыжком перескочил через перегородку, схватил Лебеда под мышку и провалился под землю.

На этом месте выросла сосна с руками и в шляпе и звали ее Марией Ивановной.

Разговор Ангела Копусты с Марией Ивановной.

Анг. Коп. – Вот это да! А только интересно знать, билет у Вас есть?

Мар. Ив. – Ха ха ха, какие глупости! Ведь я индюшка.

Анг. Коп. – Вы не можете так разговаривать со мной. Ведь я ангел.

М. Ив. – Почему?

Анг. Коп. – Потому что у меня крылья.

Мар. Ив. – Ха ха хоау! Но ведь у хусей и у хуропаток тоже есть крылья!

Анг. Копуста – Вы рассуждаете как проф. Пермьяков. Он и сторож Фадей на этом основании посадили меня в этот курятник.

Мария Ивановна зевает и засыпает. Ангел Копуста будет её.

Ангел Пантоста —

Мария Ивановна проснитесь. я вам доскажу свою мысль об осях.

Мария Ивановна Со сна —

Голубчик, голубочек, голубок. Не косайся таких вопросов. Я жить хочу.

Ангел – Хартраста —

Но всё таки, Мария Ивановна, я большой любитель пшена. Знаете оно попадаете даже в навозе. Даже в навозе, честное слово!

Мар. Ив. —

Сосна – Ну уж это нет! Фи донк! Назвос и пшённая каша!

Ангел Холбаста – Ничего-с Мария Ивановна. Хотя конечно смотря чей навоз. Лучше всего лошадиный. В нём знаете этого самого немного, а всё больше вроде как-бы соломы. Коро-вий помёт это тоже ничего. Хотя он знаете очень вязкий. Вот собачий – тьфу! Сам знаю, что дрянй! И пшена тоже совсем нет. Но ем. Всё таки ещё ем. Но вот что косается...

Мария Ивановна – (затыкая уши) – Нечего сказать, ангел! Чего только не жрёт! Скажите вы может быть и блевотину едите.

– Как вам сказать, – начал было Ангел Хлампушта, но Мария Ивановна принелась так кричать и ругаться, что Ангел Хлемписта поскорей зажал свой рот рукой, но от быстроты движения не удержался на ногах и сел на пол.

Андрей же соломея дрынваку и сплюнув гасмакрел похурею вольностей и купа фафанаф штос палмандеуб.

глАвНабор

Мах — — — леапие
мамах леапие гае
мамамех леапие гае у

В. — — — Коршун глодал кость.
Х. — Земляк падал на землю.

мои
вои
кои
веди
дуи
буи
вее
ае
хие
сео
пуе
пляе
клёе
поко
плие
плёе
флюе
мое
фое
тое
нюня
тюпя
кёё
пёё
фюю
юю
пляю
кляю
кляс
кля па фео
пельсипао
гульдигрея
пянь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.